

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве

Обучающийся

А.Ю. Куркин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной значимостью института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, для реализации конституционного права на справедливое судебное разбирательство. Правоприменительная практика демонстрирует существенные проблемы: законодательство содержит пробелы в регулировании оснований и порядка отводов, процедура их рассмотрения не соответствует принципу объективной проверки, отсутствует единообразие в толковании оценочных понятий. Особую значимость проблема приобретает в свете позиций Конституционного Суда РФ о необходимости обеспечения не только реальной, но и воспринимаемой беспристрастности правосудия, поскольку сомнения в объективности должностных лиц подрывают легитимность процессуальных решений и доверие к системе правосудия.

Целью работы является комплексный анализ правового регулирования и практики применения института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, выявление проблем его функционирования и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативной базы и механизма реализации данного института.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения беспристрастности и объективности уголовного судопроизводства посредством института отводов участников процесса.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, порядок их применения.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве	8
1.1 Нормативно-правовое регулирование обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.....	8
1.2 Научно-теоретические подходы к пониманию обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, и их роли в обеспечении беспристрастности правосудия	11
Глава 2 Система оснований исключения участия и процедура их применения в уголовном судопроизводстве	17
2.1 Основания, исключающие участие в уголовном судопроизводстве: общие и специальные.....	17
2.2 Процессуальный порядок заявления, рассмотрения и разрешения вопросов об исключении участия в уголовном судопроизводстве	32
Глава 3 Проблемы применения института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, и направления его совершенствования	49
3.1 Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.....	49
3.2 Направления совершенствования правового регулирования и механизма реализации института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве	56
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Обеспечение беспристрастности и объективности правосудия является фундаментальным условием реализации конституционного права граждан на справедливое судебное разбирательство. Институт обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, выступает одним из ключевых процессуальных механизмов, призванных гарантировать независимость и непредвзятость должностных лиц при осуществлении уголовного преследования и отправлении правосудия.

В современных условиях развития российской правовой системы институт отводов приобретает особое значение. Общественное доверие к органам уголовной юстиции во многом определяется способностью государства обеспечить реальную, а не формальную беспристрастность судей, прокуроров, следователей и иных участников процесса. Между тем правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных проблем как в нормативном регулировании данного института, так и в механизме его реализации.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Так, действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд пробелов и неопределенностей в регулировании оснований и порядка отводов, что создает предпосылки для различного толкования правовых норм и формирования противоречивой судебной практики. Процедура рассмотрения заявлений об отводе, особенно в отношении судей, единолично рассматривающих дела, не в полной мере соответствует принципу независимой и объективной проверки оснований для отвода. Усложнение общественных отношений, развитие цифровых технологий и изменение социальных связей порождают новые ситуации, требующие переосмысления традиционных подходов к определению обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.

Особую значимость проблема приобретает в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно указывавшего на необходимость обеспечения не только реальной, но и воспринимаемой беспристрастности правосудия. Любые сомнения в объективности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, способны подорвать легитимность принимаемых процессуальных решений и породить недоверие к системе правосудия в целом.

Целью выпускной квалификационной работы является комплексный анализ правового регулирования и практики применения института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, выявление проблем его функционирования и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативной базы и механизма реализации данного института.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- исследовать нормативно-правовое регулирование обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве;
- проанализировать научно-теоретические подходы к пониманию обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, и их роли в обеспечении беспристрастности правосудия;
- определить систему оснований исключения участия в уголовном судопроизводстве, выявить особенности общих и специальных оснований отводов;
- охарактеризовать процессуальный порядок заявления, рассмотрения и разрешения вопросов об исключении участия в уголовном судопроизводстве;
- выявить проблемы правового регулирования и правоприменительной практики института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве;

- разработать направления совершенствования правового регулирования и механизма реализации института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения беспристрастности и объективности уголовного судопроизводства посредством института отводов участников процесса.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, порядок их применения.

Теоретическую базу исследования составили труды ученых-процессуалистов, исследовавших вопросы обеспечения беспристрастности правосудия, института отводов и гарантий объективности уголовного процесса. В работе использованы научные позиции В.Ю. Петровой, Д.А. Квициния, А.А. Марьиной, Р.И. Бикбаевой, А.С. Дежнева, А.В. Павлова, А.Н. Батанова, Д.В. Кулишовой, Ю.В. Кухарькова, Е.П. Ореховой, Д.Н. Ершовой и других исследователей, внесших вклад в разработку теоретических и практических аспектов функционирования института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекс судейской этики, а также решения Конституционного Суда Российской Федерации, содержащие правовые позиции по вопросам обеспечения беспристрастности правосудия и применения института отводов.

Эмпирическую базу исследования составили постановления и определения судов различных инстанций, включая апелляционные постановления Московского городского суда, Волгоградского областного суда, Иркутского областного суда, Ивановского областного суда, постановления

мировых судей судебных участков различных регионов Российской Федерации. Анализ судебной практики позволил выявить типичные проблемы применения норм об отводах, определить подходы судов к разрешению сложных ситуаций и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменения.

В процессе исследования применялись общенаучные и частно-научные методы познания, в частности диалектический метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, системно-структурный метод, метод анализа судебной практики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов и предложений в правотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в части регулирования института отводов. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной практике судов, органов прокуратуры, следственных органов и адвокатуры при разрешении вопросов об отводах участников уголовного судопроизводства.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. В первой главе исследуются теоретико-правовые основы института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве. Во второй главе анализируется система оснований исключения участия и процедура их применения. Третья глава посвящена выявлению проблем функционирования института отводов и разработке направлений его совершенствования.

Глава 1 Теоретико-правовые основы обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве

1.1 Нормативно-правовое регулирование обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве

Эффективное функционирование института отводов в уголовном судопроизводстве невозможно без четкого нормативного закрепления оснований и порядка его применения [32, с. 123]. Законодатель формирует данный механизм на основе конституционных принципов правосудия, дополняя их положениями уголовно-процессуального и профессионального законодательства. Рассмотрим ключевые нормативно-правовые акты, регламентирующие институт отводов в системной взаимосвязи.

Конституционные основы института отвода участников уголовного судопроизводства закладываются Основным законом государства. Статья 118 Конституции РФ устанавливает, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом» и «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства» [15]. Данное положение формирует конституционную монополию суда на осуществление правосудия, что обуславливает особые требования к беспристрастности и объективности судебной власти. Конституция РФ в статье 120 закрепляет принцип независимости судей, указывая, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [15]. Этот конституционный принцип создает основу для формирования института отводов как механизма обеспечения беспристрастности правосудия.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, что предполагает не только доступность правосудия, но и его качество, обеспечиваемое объективностью и беспристрастностью лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Конституционный Суд

РФ в своих решениях неоднократно формулировал правовые позиции, согласно которым беспристрастность судьи является необходимым условием справедливого правосудия и выступает одной из фундаментальных гарантий права на судебную защиту. Таким образом, конституционный уровень регулирования задает базовые ценностные ориентиры для всей системы норм об обстоятельствах, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.

Развитие конституционных принципов находит свое воплощение в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Статья 3 данного закона устанавливает, что «судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности» [13]. Представляется важным, что законодатель распространяет требования к поведению судьи не только на служебную, но и на внеслужебную деятельность, что подчеркивает особый статус носителя судебной власти и необходимость поддержания общественного доверия к судебной системе [31, с. 146]. Данное положение закона имеет превентивный характер и направлено на недопущение возникновения ситуаций, требующих отвода судьи, что свидетельствует о комплексном подходе законодателя к обеспечению беспристрастности правосудия.

Центральным нормативным актом, регулирующим обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, выступает Уголовно-процессуальный кодекс РФ, который в главе 9 системно регламентирует данный институт. Статья 61 УПК РФ устанавливает общие основания отвода, определяя, что «судья, прокурор, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу» при наличии определенных обстоятельств [33]. Законодатель формулирует исчерпывающий перечень оснований, включающий родственные связи с участниками процесса, предыдущее участие в качестве иного субъекта процесса, личную заинтересованность в

исходе дела и иные обстоятельства, дающие основание сомневаться в беспристрастности должностного лица.

Особого внимания заслуживает нормативное регулирование отвода защитников и представителей. Статья 72 УПК РФ устанавливает специальные основания отвода для данной категории участников, определяя, что «защитник, представитель потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика не вправе» участвовать в производстве при определенных обстоятельствах [33]. Специфика данной нормы обусловлена двойственной природой статуса защитника и представителя – с одной стороны, это профессиональные юристы, призванные обеспечивать реализацию права на защиту, с другой – участники процесса, имеющие процессуальный интерес. Данная норма отражает специфику правового статуса адвокатов и представителей, которые, в отличие от должностных лиц органов уголовной юстиции, изначально являются заинтересованными сторонами процесса, однако их заинтересованность не должна перерасти в личную или имущественную заинтересованность в исходе дела.

Важным дополнением к уголовно-процессуальному законодательству служит Кодекс судейской этики, утвержденный VIII Всероссийским съездом судей. Статья 9 Кодекса формулирует принцип объективности и беспристрастности, устанавливая, что «объективность и беспристрастность судьи являются обязательными условиями надлежащего осуществления» правосудия [14]. Хотя данный акт относится к категории корпоративного нормативного регулирования и не имеет силы закона, его значение для формирования института отводов трудно переоценить, поскольку он детализирует и конкретизирует этические требования к поведению судьи, создавая дополнительные гарантии беспристрастности правосудия.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» также содержит положения, касающиеся ограничений участия адвокатов в уголовном судопроизводстве. Статья 6 данного закона устанавливает, что «адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за

исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя» [34]. Кроме того, статья 13 данного закона устанавливает принцип сохранения адвокатской тайны, который во взаимосвязи с нормами УПК РФ может выступать дополнительным критерием для оценки наличия оснований для отвода. Данное положение, хотя и не содержит прямых оснований для отвода, формирует этические рамки деятельности адвоката и может служить основанием для оценки конфликта интересов.

Исходя из проведенного анализа нормативно-правовой базы, следует констатировать, что действующее законодательное регулирование института отводов в уголовном судопроизводстве представляет собой достаточно развитую систему правовых норм, основанную на конституционных принципах независимости судебной власти и беспристрастности правосудия. Вместе с тем, выявленные дискуссионные аспекты свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования данного института.

1.2 Научно-теоретические подходы к пониманию обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, и их роли в обеспечении беспристрастности правосудия

Вопросы, связанные с исключением лиц из участия в уголовном судопроизводстве, привлекают пристальное внимание ученых, поскольку затрагивают не только юридическую, но и этическую природу правосудия [18, с. 212]. Научные исследования формируют теоретическую основу для понимания сущности института отводов и его значения в системе процессуальных гарантий. Рассмотрим ключевые научные подходы к пониманию института отводов, его целей, классификации и практической реализации.

В.Ю. Петрова и Д.А. Квициния справедливо акцентируют внимание на том, что «одним из важнейших факторов, определяющих работу суда и

эффективность вынесенных им решений является доверие к его ведущим сторонам, включая судью, прокурора, адвоката, начальника органа дознания, секретаря судебного заседания, свидетеля, дознавателя в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и тех лиц, которые могут участвовать в процессе (переводчик, психолог для детей и пр.)» [26, с. 454]. Исследователи предлагают комплексный подход к оценке участников процесса, подчеркивая, что «при выяснении обстоятельств, препятствующих участию вышеуказанных лиц в уголовном судопроизводстве, необходимо учитывать не только формальные признаки, но также нравственно-этические характеристики, которые играют существенную роль в судопроизводстве» [26, с. 454]. На наш взгляд, данная позиция заслуживает особого внимания, поскольку именно взаимосвязь формальных и содержательных критериев обеспечивает подлинную объективность правосудия.

Развивая концептуальные основы института отводов, исследователи выделяют три ключевые характеристики: «беспристрастность», «незаинтересованность» и «справедливость». По мнению авторов, «данные характеристики являются взаимосвязанными и в целом обеспечивают процессуальный функционал. Беспристрастность и незаинтересованность являются основанием справедливости, т.к. отражают отсутствие корыстного интереса у сторон и позволяют говорить о справедливом правосудии, включающем равное отношение к сторонам процесса, неиспользование незаконно полученной информации и формулировку объективно принятого решения» [26, с. 454]. Полагаем, что такой системный подход к пониманию сущности беспристрастности создает прочную теоретическую основу для дальнейшего анализа конкретных оснований отводов.

В части определения природы препятствующих обстоятельств В.Ю. Петрова и Д.А. Квициния формулируют позицию, согласно которой «обстоятельства, препятствующие участию сторон в судебном разбирательстве, отражают совокупность объективных факторов, которые действуют извне и препятствуют осуществлению участниками судебного

процесса своих непосредственных функций в силу отсутствия объективности и беспристрастности» [26, с. 454]. Акцент на объективности этих факторов особенно важен для правоприменения, поскольку создает четкие критерии для их выявления и оценки.

А.А. Марьина предлагает двойственное понимание института отводов. Исследователь указывает, что «в науке уголовного процесса под отводом следует понимать: отстранение от ведения судебного производства, а также его участников со стороны обвинения и иных участников (в рамках уголовного судопроизводства), если данные лица заинтересованы в исходе данного уголовного дела, или вызывают сомнение в его беспристрастности; процессуальный институт, не важно, уголовное дело рассматривается, или гражданское (арбитражное), по своей правовой природе подразумевает под собой объективность и беспристрастность, как судебного разбирательства, так и предварительного расследования уголовного дела» [21, с. 199]. На наш взгляд, такой двойственный подход охватывает как процедурные, так и целевые аспекты данного правового явления, что способствует более глубокому пониманию его сущности.

Р.И. Бикбаева предлагает классификационный подход к институту отводов, систематизируя участников процесса применительно к специфике их правового статуса. Автор подчеркивает, что «к числу таких участников следует отнести: иных участников уголовного судопроизводства, содействующих отправлению правосудия (ст. ст. 68-71 Уголовно-процессуального кодекса); лиц, защищающих или представляющих интересы участников уголовного процесса (ст. 72 УПК РФ)» [9, с. 178].

А.С. Дежнев и А.В. Павлов исследуют гарантийную функцию института отводов. Авторы справедливо констатируют, что «институт отводов выступает гарантией беспристрастного, объективного и справедливого правосудия. Он определяет комплекс мер по отстранению лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, от реализации ими властных полномочий ввиду заинтересованности в исходе уголовного дела» [11, с. 367].

Исследователи подчеркивают сложность оценки межличностных отношений в контексте отводов, отмечая, что «в системе правил отвода значимую роль играют обстоятельства, обусловленные родственными и другими близкими отношениями между людьми. В силу их многоаспектности оценка данной сферы межличностного взаимодействия имеет проблемный характер» [11, с. 367].

Развивая эту мысль, А.С. Дежнев и А.В. Павлов формулируют важный вывод о том, что «проблема заинтересованности участников уголовного процесса, влекущая основания применения отвода, не может рассматриваться в отрыве от родственных и иных межличностных отношений. При этом открытый перечень оснований для их отстранения от участия в деле играет положительную роль, что связано с широким спектром социальных связей и интересов людей, полный перечень которых сформулировать на законодательном уровне невозможно. Изложенное доказывает, что без определенного усмотрения должностных лиц не обойтись» [11, с. 371]. Данная позиция обосновывает необходимость сохранения гибкости в правовом регулировании института отводов.

А.Н. Батанов исследует специфическую проблему участия в качестве защитника лица, ранее занимавшего руководящие должности в правоохранительных органах. Исследователь отмечает, что адвокат, который ранее занимал должность руководителя следственного органа, не должен иметь право участвовать в уголовном деле, находившемся в производстве этого органа под его руководством. А.Н. Батанов обосновывает это тем, что такой адвокат получает неправомерные преимущества: он знаком с материалами дела, планами расследования и «слабыми местами» обвинения, что «ставит сторону защиты в неоправданно привилегированное положение». Автор отмечает, что статья 72 УПК РФ прямо не включает руководителя следственного органа в перечень должностей, исключающих последующее участие в качестве защитника [8, с. 17-19].

Д.В. Кулишова предлагает расширительный подход к пониманию института отводов, включая в него не только случаи абсолютной невозможности участия, но и ситуации ограниченных возможностей реализации процессуальных прав. Исследователь формулирует концептуально важный тезис, согласно которому «социально-значимые обстоятельства, влияющие на уровень возможности участников уголовного судопроизводства осуществлять свои процессуальные права и обязанности, являются юридическими фактами для возникновения, изменения или прекращения уголовно-процессуальных правоотношений» [19, с. 273].

Обобщая представленные в научной литературе позиции, следует отметить, что обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, представляют собой сложный правовой институт, эффективность функционирования которого зависит от сбалансированного учета формальных и содержательных критериев беспристрастности участников процесса. Научные подходы демонстрируют многогранность данной проблематики и создают теоретическую основу для понимания сущности института отводов в уголовном судопроизводстве.

Представим выводы по первой главе исследования.

Нормативно-правовое регулирование обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, представляет собой многоуровневую систему правовых норм, основанную на конституционных принципах независимости судебной власти и беспристрастности правосудия. Центральное место в данной системе занимает глава 9 УПК РФ, которая детально регламентирует основания и порядок отводов различных участников процесса. Конституционные положения о монополии суда на осуществление правосудия, независимости судей и праве на судебную защиту формируют аксиологическую основу института отводов, определяя его целевую направленность на обеспечение объективности и справедливости правосудия. Дополнительные гарантии беспристрастности закрепляются в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральном законе «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодексе судейской этики, которые устанавливают этические стандарты поведения профессиональных участников процесса. Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует о наличии отдельных пробелов и неопределенностей в законодательном регулировании, требующих устранения для повышения эффективности функционирования института отводов.

Научно-теоретические подходы к пониманию обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, характеризуются признанием данного института в качестве ключевой процессуальной гарантии беспристрастности правосудия. Исследователи выделяют три взаимосвязанные характеристики института отводов: беспристрастность, незаинтересованность и справедливость, подчеркивая, что первые две выступают необходимым основанием третьей. В науке сформировалось понимание отвода как двойственного правового явления, представляющего собой одновременно механизм отстранения заинтересованных лиц от ведения судебного производства и процессуальный институт, направленный на обеспечение объективности как судебного разбирательства, так и предварительного расследования. Особое внимание ученые уделяют проблеме оценки родственных и иных межличностных отношений как основания для отвода, отмечая невозможность создания исчерпывающего перечня таких обстоятельств и необходимость сохранения определенной дискреции должностных лиц при их оценке. Теоретические исследования формируют концептуальную основу для понимания сущности института отводов и создают предпосылки для его дальнейшего совершенствования.

Глава 2 Система оснований исключения участия и процедура их применения в уголовном судопроизводстве

2.1 Основания, исключающие участие в уголовном судопроизводстве: общие и специальные

Законодательное регулирование института отводов в уголовном судопроизводстве построено на принципе дифференциации оснований в зависимости от степени их объективности и императивности.

Р.И. Бикбаева классифицирует основания отводов, отмечая, что «в доктрине уголовного процесса все обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве (основания отвода), в зависимости от субъекта применения подразделяются на общие и специальные. К общим основаниям следует отнести те обстоятельства, наличие которых позволяет заявить отвод любому участнику. Перечень таких обстоятельств предусмотрен в ст. 61 УПК РФ. Вторую группу оснований образуют обстоятельства, при наличии которых отвод может быть заявлен в отношении отдельных участников уголовного судопроизводства (ст. ст. 63, 70, 72 и 330 УПК РФ)» [9, с. 179]. Данная классификация имеет важное практическое значение для правильного применения соответствующих правовых норм и позволяет учитывать специфику правового статуса различных участников процесса.

Рассмотрим абсолютные основания отвода, а именно предыдущее участие в ином процессуальном качестве. Абсолютные основания отвода, закреплённые в части 1 статьи 61 УПК РФ, характеризуются тем, что не требуют дополнительной оценки степени влияния соответствующих обстоятельств на беспристрастность должностного лица. Законодатель исходит из презумпции, что участие лица в производстве по делу в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, свидетеля, присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, помощника судьи, секретаря судебного заседания, защитника, законного

представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, а для судьи также в качестве дознавателя, следователя или прокурора безусловно препятствует его последующему участию в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания или дознавателя [33]. Философия данной нормы заключается в признании того, что предыдущий процессуальный статус неизбежно формирует определённую позицию по обстоятельствам дела, которая несовместима с требованием объективности и беспристрастности должностного лица, осуществляющего уголовное преследование или правосудие [1, с. 52].

Практическое применение данного основания отвода демонстрирует его безусловный характер. Показательным примером служит постановление мирового судьи судебного участка Полесского района Калининградской области от 18 марта 2025 года по делу № 1-7/2025 [28]. В рамках данного дела рассматривалось уголовное обвинение ФИО2 по части 3 статьи 30 и части 1 статьи 291.2 УК РФ за покушение на дачу взятки должностному лицу. Процессуальная особенность ситуации заключалась в том, что мировой судья Н.А. Рахманина за день до предполагаемой попытки дачи взятки уже выносила постановление о привлечении данного лица к ответственности по части 2 статьи 12.26 КоАП РФ по обстоятельствам, непосредственно связанным с предметом уголовного разбирательства. Судья обоснованно заявила самоотвод, указав, что ей уже приходилось оценивать фактические обстоятельства по тому же эпизоду в рамках административного производства, а постановление от 11 ноября 2024 года фигурировало в уголовном деле как одно из доказательств, что фактически делало судью потенциальным свидетелем и создавало угрозу нарушения принципов объективности и беспристрастности. Данное решение полностью соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой повторное участие судьи в рассмотрении одного и того же фактического эпизода в разных

юрисдикциях недопустимо, даже если процессуальные решения по предыдущему делу не были отменены вышестоящей инстанцией.

Аналогичным образом суды применяют данное основание в случаях, когда судья ранее участвовал в рассмотрении дела в качестве дознавателя, следователя, прокурора или судьи в предыдущем рассмотрении данного уголовного дела. Законодатель не дифференцирует степень участия лица в предыдущем производстве – достаточно самого факта такого участия, чтобы последующее участие в качестве должностного лица, осуществляющего производство по делу, стало невозможным [22, с. 339]. Это объясняется тем, что предварительная оценка обстоятельств дела, сформированная в рамках предыдущего процессуального статуса, неизбежно влияет на восприятие доказательств и принятие процессуальных решений, создавая угрозу предвзятости и нарушения принципа презумпции невиновности [23, с. 119].

Вторую группу оснований составляют обстоятельства, связанные с родственными и близкими отношениями между должностным лицом и участниками производства по делу. Часть 1 статьи 61 УПК РФ (пункт 3) устанавливает, что судья, прокурор, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу [33]. Законодатель не ограничивается узким кругом родственников, используя открытую формулировку, что позволяет учитывать различные варианты родственных и свойственных отношений. Данное основание также имеет безусловный характер – при установлении факта родства или близких отношений участие должностного лица в производстве по делу недопустимо независимо от того, влияют ли фактически эти отношения на его объективность.

Понятие «близкое лицо» не раскрывается в УПК РФ исчерпывающим образом, что создаёт определённую свободу судебного усмотрения. Практика показывает, что к близким лицам относятся не только родственники по

восходящей и нисходящей линии, но и лица, состоящие в близких дружеских или иных доверительных отношениях. Постановление мирового судьи судебного участка № 3 Северодвинского судебного района Архангельской области от 11 февраля 2025 года по делу № 1-18/2025 иллюстрирует практическое применение данного основания [27]. При рассмотрении уголовного дела по обвинению ФИО4 в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью с применением оружия), сторона защиты заявила ходатайство об отводе мирового судьи на основании её личного знакомства с потерпевшей ФИО8. Защитник указал, что сложившиеся внепроцессуальные отношения между судьёй и потерпевшей создают объективную угрозу нарушения принципа беспристрастности судебного разбирательства независимо от содержания и глубины такого знакомства. Мировой судья признала ходатайство обоснованным, удовлетворила заявление об отводе и постановила направить материалы председателю городского суда для решения вопроса об изменении территориальной подсудности. Данное решение подчёркивает важность своевременного реагирования на факторы, потенциально нарушающие принцип беспристрастности, даже если такие обстоятельства не связаны с деятельностью судьи в рамках конкретного дела.

Наиболее сложную и дискуссионную группу оснований представляют иные обстоятельства, дающие основание полагать, что должностное лицо лично, прямо или косвенно, заинтересовано в исходе уголовного дела. Часть 2 статьи 61 УПК РФ формулирует данное основание как оценочную категорию, предполагающую необходимость анализа конкретных обстоятельств дела и их влияния на беспристрастность участника процесса [33]. Открытый характер данного основания позволяет обеспечить гибкость правового регулирования и учесть разнообразие жизненных ситуаций, которые невозможно полностью предусмотреть в законе. Вместе с тем оценочный характер нормы создаёт определённые сложности в правоприменении, требуя от должностных лиц и

участников процесса тщательного анализа всех обстоятельств, способных повлиять на объективность рассмотрения дела.

Судебная практика демонстрирует различные подходы к установлению личной заинтересованности должностного лица. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 16 марта 2025 года по делу № 1-290/2024 представляет интерес как пример рассмотрения вопроса об исключении государственного обвинителя из уголовного судопроизводства [5]. Осуждённый по части 3 статьи 264 УК РФ и его защитник, оспаривая приговор суда первой инстанции, заявили, что государственный обвинитель С.Н. Баженова якобы лично или косвенно заинтересована в исходе дела, ссылаясь на предполагаемые родственные связи с руководством дорожной службы, чьи действия также могли иметь значение для оценки обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Суд апелляционной инстанции, проверив указанный довод в свете статьи 61 УПК РФ, пришёл к выводу о его необоснованности. Было отмечено, что объективных доказательств наличия родственных связей между государственным обвинителем и другими участниками процесса не представлено, само по себе несогласие стороны защиты с позицией государственного обвинителя или подозрение в её предвзятости не является основанием для отвода, а уголовное дело рассматривалось исключительно в отношении конкретного лица, и ни одно иное лицо к ответственности не привлекалось. Таким образом, суд подтвердил, что основания, предусмотренные частью 2 статьи 61 УПК РФ (личная, прямая или косвенная заинтересованность), в данном случае отсутствуют.

Аналогичный подход демонстрирует апелляционное постановление Московского городского суда от 10 марта 2025 года по делу № 3/2-0030/2025, где сторона защиты настаивала на незаконности возбуждения уголовного дела и процессуальной заинтересованности следователя [2]. Адвокат указывал, что следователь якобы осуществлял действия по поручению оперативного подразделения ФСБ до возбуждения уголовного дела, в ноябре 2024 года в отношении обвиняемого отсутствовали материалы проверки, что ставит под

сомнение процессуальную самостоятельность следователя, а следователь, несмотря на возможный конфликт интересов, не заявил самоотвод, а продолжил процессуальные действия, включая возбуждение дела и обращение в суд с ходатайством об аресте. Суд апелляционной инстанции тщательно проанализировал доводы жалобы, но пришёл к выводу, что в действиях следователя отсутствуют признаки личной или иной заинтересованности, способной поставить под сомнение его процессуальную независимость. Было отмечено, что само по себе взаимодействие с оперативным подразделением не доказывает заинтересованность или зависимость следователя, ходатайство о продлении меры пресечения оформлено надлежащим образом с соблюдением статей 109, 110 УПК РФ в установленный срок и с согласия руководителя следственного органа, а нарушений в процедуре возбуждения уголовного дела или задержания не установлено.

Данные примеры демонстрируют, что для признания должностного лица заинтересованным в исходе дела недостаточно предположений или субъективных подозрений участников процесса. Необходимо наличие конкретных, объективно подтверждённых обстоятельств, свидетельствующих о том, что должностное лицо имеет личный интерес материального или нематериального характера в определённом исходе дела. При этом правоприменитель должен исходить из того, что профессиональная деятельность должностных лиц органов уголовной юстиции предполагает их заинтересованность в установлении истины по делу и принятии законного и обоснованного решения, что не является личной заинтересованностью в смысле части 2 статьи 61 УПК РФ [33].

Вместе с тем практика показывает, что суды признают наличие оснований для отвода и в случаях, когда формально конкретные обстоятельства не подпадают под родственные связи, но создают объективную угрозу нарушения беспристрастности. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 16 марта 2025 года по делу № 3/12-2/2025 демонстрирует подход судов к оценке оснований для отвода судьи при

рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ [3]. Представитель заявителя (адвокат А.В. Савиченко) заявлял отвод судье первой инстанции Е.В. Буренковой, рассматривавшей жалобу на постановление следователя о возбуждении уголовного дела. В обоснование отвода указывалось, что данная судья ранее уже рассматривала ходатайство о продлении меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении того же лица, в ходе которого, по мнению заявителя, судом фактически была дана предварительная оценка виновности обвиняемого. Также указывались признаки уклонения суда от оценки доводов жалобы и предполагаемая предвзятость. Апелляционный суд не усмотрел в действиях судьи признаков заинтересованности или нарушения принципа объективности, указав, что выяснение судьёй позиции обвиняемого относительно предъявленного обвинения при рассмотрении вопроса о мере пресечения не выходит за пределы полномочий, ранее принятое решение по мере пресечения не лишает судью права рассматривать жалобу в порядке статьи 125 УПК РФ, а изменение меры пресечения судом апелляционной инстанции по иному материалу не является подтверждением процессуальных нарушений либо предвзятости судьи первой инстанции.

Часть 3 статьи 61 УПК РФ устанавливает, что наличие информации о внепроцессуальном обращении, поступившем судье по уголовному делу, находящемуся в его производстве, само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи [33]. Данная норма направлена на защиту судей от необоснованных отводов, которые могут заявляться участниками процесса в расчёте на то, что факт любого обращения к судье вне судебного заседания создаст основание для его отстранения. Законодатель исходит из того, что судья обязан сообщить о внепроцессуальном обращении и приобщить его к материалам дела, но сам факт такого обращения не свидетельствует о заинтересованности судьи или утрате им беспристрастности.

Статья 63 УПК РФ устанавливает специальные основания для отвода судьи, связанные с недопустимостью его повторного участия в рассмотрении

уголовного дела [33]. Данная норма направлена на обеспечение объективности судебного разбирательства и предотвращение ситуаций, когда судья, уже сформировавший определённую правовую позицию по делу на одной стадии процесса, повторно участвует в его рассмотрении на другой стадии.

Часть 1 статьи 63 УПК РФ устанавливает, что судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции или в порядке надзора, а равно участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой или второй инстанции либо в порядке надзора в случае отмены вынесенных с его участием приговора, а также определения, постановления о прекращении уголовного дела [33]. Данное положение основывается на том, что судья, принявший решение на стадии первой инстанции, не может объективно оценивать законность и обоснованность собственного решения при проверке его вышестоящей инстанцией. Кроме того, при новом рассмотрении дела после отмены предыдущего решения судья, ранее участвовавший в его рассмотрении, может оказаться под влиянием своих прежних выводов, что препятствует свободной и непредвзятой оценке доказательств.

Часть 2 статьи 63 УПК РФ содержит симметричное ограничение: судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого уголовного дела в суде первой инстанции или в порядке надзора, а равно в новом рассмотрении того же дела в суде второй инстанции после отмены приговора, определения, постановления, вынесенного с его участием [33]. Логика данной нормы заключается в том, что судья апелляционной или кассационной инстанции, уже оценивший доказательства и сформулировавший свою позицию относительно их достаточности и допустимости, не может впоследствии беспристрастно рассматривать это же дело в качестве судьи первой инстанции или повторно в апелляции.

Часть 3 статьи 63 УПК РФ распространяет аналогичный запрет на судей, принимавших участие в рассмотрении уголовного дела в порядке надзора: такой судья не может участвовать в рассмотрении того же уголовного дела в суде первой или второй инстанции [33]. Надзорная инстанция осуществляет проверку вступивших в законную силу судебных решений, и судья, участвовавший в надзорном производстве, уже сформировал окончательную правовую позицию по делу, что несовместимо с его последующим участием в рассмотрении дела по существу.

Практическое применение статьи 63 УПК РФ демонстрирует апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 9 марта 2025 года по делу № 1-92/2024 [4]. ФИО2 был осуждён по части 1 статьи 222 УК РФ за незаконное приобретение, хранение и ношение основных частей огнестрельного оружия. Однако апелляционная инстанция установила, что приговор в его отношении выносила судья О.А. Пичугина, которая ранее уже рассматривала уголовное дело в отношении иного лица – фио1 – по обвинению в незаконном сбыте тех же самых частей оружия именно ФИО2. Таким образом, ключевые обстоятельства, касающиеся предмета обвинения ФИО2, уже были предметом оценки судьёй в другом процессе, и в её решении по делу фио1 были сформулированы выводы, напрямую касающиеся виновности ФИО2 как покупателя оружия.

Суд апелляционной инстанции обоснованно сослался на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела по обстоятельствам, в оценке которых он уже принимал участие, недопустимо. Независимо от того, было ли предыдущее решение отменено, сам факт вынесения судьёй ранее процессуального акта по тем же событиям лишает её необходимой процессуальной нейтральности. Повторное рассмотрение дела в такой ситуации подрывает презумпцию невиновности, поскольку судья, по сути, становится не только арбитром, но и автором предшествующего правового суждения, касающегося нового подсудимого. Учитывая выявленное

нарушение, апелляционная инстанция признала состав суда незаконным и отменила приговор, направив уголовное дело на новое рассмотрение в тот же суд, но с участием иного судьи.

Данное решение подчёркивает, что запрет на повторное участие судьи распространяется не только на формальное повторное рассмотрение одного и того же уголовного дела, но и на ситуации, когда судья ранее оценивал те же фактические обстоятельства в рамках другого уголовного дела. Такое расширительное толкование статьи 63 УПК РФ соответствует правовым позициям Конституционного Суда РФ и обеспечивает реальную, а не формальную беспристрастность судебного разбирательства.

Статья 70 УПК РФ устанавливает специальные основания, исключающие участие эксперта в производстве по уголовному делу, которые дополняют общие основания, предусмотренные статьёй 61 УПК РФ [33]. Эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии следующих обстоятельств.

Во-первых, при наличии обстоятельств, предусмотренных статьёй 61 УПК РФ, с важным уточнением: предыдущее участие эксперта в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для отвода [33]. Данная норма отражает специфику экспертной деятельности, которая может требовать неоднократного участия одного и того же эксперта в деле – например, при проведении дополнительной или повторной экспертизы, при допросе эксперта для разъяснения данного им заключения. Законодатель исходит из того, что профессиональная объективность эксперта и его связанность научными методами исследования обеспечивают беспристрастность его выводов даже при повторном участии в деле.

Во-вторых, эксперт не может участвовать в деле, если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей [33]. Данное основание направлено на предотвращение ситуаций, когда эксперт может оказаться под влиянием одной из сторон

процесса в силу существующих между ними отношений подчинённости, материальной зависимости или иных форм зависимости. Служебная зависимость может выражаться в том, что эксперт является подчинённым одной из сторон по месту работы или в иных организационных структурах. Иная зависимость может включать экономическую, финансовую зависимость, зависимость, связанную с предоставлением жилья, и любые другие формы зависимости, способные повлиять на объективность эксперта.

В-третьих, основанием для отвода эксперта является обнаружение его некомпетентности [33]. Под некомпетентностью понимается отсутствие у эксперта необходимых специальных знаний, квалификации или опыта для проведения экспертизы по конкретному вопросу, поставленному перед ним. Некомпетентность может быть выявлена как до начала проведения экспертизы (например, при изучении документов о квалификации эксперта), так и в ходе её проведения или после получения заключения (например, при обнаружении в заключении методологических ошибок, использования устаревших методик, выхода эксперта за пределы своей компетенции). Данное основание имеет особое значение, поскольку экспертное заключение часто является важнейшим доказательством по делу, и его ненадлежащее качество может привести к судебной ошибке.

Ю.В. Кухарьков, Е. П. Орехова отмечают, что «в уголовном процессе заявленный самоотвод эксперта или ходатайства об отводе эксперта разрешает орган уголовного преследования, а в судебном заседании – суд, рассматривающий уголовное дело. Кроме того, если обстоятельства для отвода эксперта выявлены органом, ведущим уголовный процесс, то он вправе отстранить эксперта от участия в производстве по делу по собственной инициативе, даже если эксперт не заявил самоотвод. Отвод эксперту или его самоотвод может реализовать руководитель судебно-экспертной организации при назначении экспертизы такой организации» [20, с. 112].

Статья 71 УПК РФ распространяет аналогичные ограничения на специалиста, устанавливая, что специалист не может принимать участие в

производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных частью второй статьи 70 УПК РФ [33]. При этом, как и в случае с экспертом, предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве специалиста не является основанием для его отвода. Данное правило обусловлено тем, что специалист, как и эксперт, может привлекаться к участию в деле неоднократно для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Особого внимания заслуживает нормативное регулирование отвода защитников и представителей, закреплённое в статье 72 УПК РФ [33]. Данная норма отражает специфику правового статуса адвокатов и представителей, которые, в отличие от должностных лиц органов уголовной юстиции, изначально являются заинтересованными сторонами процесса, однако их заинтересованность не должна перерасти в личную или имущественную заинтересованность в исходе дела, несовместимую с надлежащим выполнением их процессуальных функций.

Часть 1 статьи 72 УПК РФ устанавливает три основания, исключающих участие защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика в производстве по уголовному делу [33].

Во-первых, защитник или представитель не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, помощника судьи, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого [33]. Данное ограничение направлено на предотвращение ситуаций, когда лицо, обладающее информацией о материалах дела или обстоятельствах его расследования в силу предыдущего процессуального статуса, использует эту информацию в интересах одной из сторон, что нарушает принцип равенства сторон и

состязательности процесса. Законодатель исходит из того, что предыдущее участие в деле в качестве должностного лица или иного участника со стороны обвинения создаёт неустранимый конфликт интересов, поскольку защитник или представитель могут оказаться в ситуации, когда им придётся оспаривать собственные действия или выводы, сделанные в рамках предыдущего процессуального статуса [17, с. 45].

Во-вторых, защитник или представитель не вправе участвовать в производстве, если он является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, помощника судьи, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты [33]. Первая часть данного основания направлена на предотвращение ситуаций, когда родственные связи между защитником (представителем) и должностными лицами, осуществляющими производство по делу, могут создать либо реальный конфликт интересов, либо восприятие процесса как необъективного со стороны других участников. Вторая часть запрещает защитнику или представителю одновременно или последовательно представлять интересы лиц, находящихся в противоположных процессуальных положениях, что является классическим случаем конфликта интересов.

В-третьих, защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика [33]. Данное основание направлено на предотвращение конфликта интересов, когда адвокат одновременно или последовательно представляет интересы лиц, находящихся в противоположных процессуальных положениях по одному и тому же делу.

Такая ситуация создаёт угрозу нарушения конфиденциальности информации, полученной адвокатом от одного доверителя, и её использования в интересах другого доверителя, что несовместимо с этическими принципами адвокатской деятельности и требованиями статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о сохранении адвокатской тайны [14].

Специфическую проблему участия в качестве защитника лица, ранее занимавшего руководящие должности в правоохранительных органах, исследует А.Н. Батанов. Исследователь отмечает, что адвокат, который ранее занимал должность руководителя следственного органа, не должен иметь право участвовать в уголовном деле, находившемся в производстве этого органа под его руководством. А.Н. Батанов обосновывает это тем, что такой адвокат получает неправомерные преимущества: он знаком с материалами дела, планами расследования и «слабыми местами» обвинения, что ставит сторону защиты в неоправданно привилегированное положение. Исследователь отмечает правовую неопределенность в действующем законодательстве, поскольку статья 72 УПК РФ прямо не включает руководителя следственного органа в перечень должностей, исключающих последующее участие в качестве защитника, и предлагает дополнить эту норму соответствующим положением для устранения пробела в законе [8, с. 17-19].

Стоит отметить, что выявленная правовая неопределенность действительно создает предпосылки для нарушения принципа равенства сторон в уголовном процессе. Данная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку в современных условиях нередки случаи, когда бывшие руководители следственных органов, уволившись из органов следствия, начинают заниматься адвокатской деятельностью и принимают к защите лиц, уголовные дела в отношении которых расследовались под их руководством [16, с. 225]. Такая ситуация создаёт не только процессуальное неравенство сторон, но и подрывает

общественное доверие к системе правосудия, поскольку у участников процесса и общественности может сложиться впечатление о существовании неформальных связей и договорённостей между представителями органов уголовной юстиции и адвокатами [10, с. 10]. Представляется обоснованным предложение о необходимости дополнения статьи 72 УПК РФ положением, запрещающим участие в качестве защитника лица, которое ранее в течение определённого периода (например, трёх лет) занимало должность руководителя следственного органа, осуществлявшего расследование данного уголовного дела.

Часть 2 статьи 72 УПК РФ устанавливает, что решение об отводе защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика принимается в порядке, установленном частью первой статьи 69 УПК РФ [33]. Это означает, что в ходе досудебного производства решение об отводе принимает дознаватель, следователь, а также суд в случаях, предусмотренных статьей 165 УПК РФ, а в ходе судебного производства – суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей.

Таким образом, система оснований, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, представляет собой сложную иерархическую структуру, включающую как абсолютные, безусловные основания, так и оценочные категории, требующие анализа конкретных обстоятельств дела. Дифференциация оснований в зависимости от правового статуса участников процесса отражает стремление законодателя учесть специфику функций, выполняемых различными субъектами уголовного судопроизводства, и обеспечить баланс между формальной определённостью правовых норм и гибкостью их применения. Судебная практика демонстрирует, что эффективность применения данных норм зависит не только от их законодательного закрепления, но и от добросовестности должностных лиц, готовых своевременно заявить самоотвод при наличии обстоятельств, способных поставить под сомнение их беспристрастность, а также от

способности участников процесса аргументированно обосновывать заявляемые отводы конкретными фактами, а не субъективными предположениями.

2.2 Процессуальный порядок заявления, рассмотрения и разрешения вопросов об исключении участия в уголовном судопроизводстве

Эффективность института отводов определяется не только наличием чётких оснований для отстранения лиц от участия в уголовном деле, но и установлением детальной процедуры реализации этого механизма. Законодатель в статьях 62–71 УПК РФ последовательно регламентирует порядок заявления отводов различным участникам процесса, определяет субъектов, уполномоченных рассматривать такие заявления, и устанавливает правовые последствия принятых решений. Процессуальная форма приобретает здесь особое значение, поскольку от соблюдения предусмотренных правил зависит не только законность конкретного процессуального акта, но и восприятие правосудия как беспристрастного и справедливого.

Право на заявление отвода принадлежит широкому кругу участников уголовного судопроизводства. Статья 62 УПК РФ устанавливает, что отвод судье, прокурору, следователю, дознавателю, а также иным участникам со стороны обвинения и защиты может быть заявлен подозреваемым, обвиняемым, его защитником, потерпевшим, его представителем, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями. Данное положение отражает принцип состязательности сторон и обеспечивает возможность любой заинтересованной стороне ставить вопрос об устранении из процесса лица, чья объективность вызывает обоснованные сомнения. Вместе с тем законодатель не ограничивается только правом участников заявлять отвод. Особое место в системе процессуальных гарантий

беспристрастности занимает институт самоотвода, когда должностное лицо само, без внешнего побуждения, признаёт наличие обстоятельств, препятствующих его дальнейшему участию в деле.

Институт самоотвода представляет собой проявление высокой процессуальной культуры и профессиональной ответственности. Должностное лицо, обладая полной информацией о всех обстоятельствах дела и своих связях с его участниками, способно наиболее точно оценить, существуют ли факторы, способные повлиять на его объективность. Практика свидетельствует, что добросовестные судьи и иные участники со стороны государства нередко проявляют инициативу в заявлении самоотвода, не дожидаясь соответствующих ходатайств от сторон.

Показательным примером служит постановление мирового судьи судебного участка Полесского района Калининградской области от 18 марта 2025 года по делу № 1-7/2025. В рамках рассмотрения уголовного дела по обвинению ФИО2 в покушении на дачу взятки должностному лицу мировой судья Н.А. Рахманина обнаружила, что за день до предполагаемой попытки дачи взятки она сама выносила постановление о привлечении данного лица к административной ответственности по части 2 статьи 12.26 КоАП РФ по обстоятельствам, непосредственно связанным с предметом уголовного разбирательства. Осознавая, что ей уже приходилось оценивать фактические обстоятельства того же эпизода в административном производстве, и что это постановление фигурирует в уголовном деле как одно из доказательств, судья на основании статей 61 и 62 УПК РФ заявила самоотвод. В обоснование своего решения она указала, что повторное участие в оценке тех же событий создаёт угрозу нарушения принципов объективности и беспристрастности, превращая её в своего рода свидетеля собственных предыдущих выводов. Данный подход полностью согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым повторное участие судьи в рассмотрении одного и того же фактического эпизода в различных

юрисдикциях недопустимо даже при отсутствии формальной отмены предыдущих процессуальных решений.

Аналогичный пример самоотвода демонстрирует постановление мирового судьи судебного участка № 3 Северодвинского судебного района Архангельской области от 11 февраля 2025 года по делу № 1-18/2025. Рассматривая уголовное дело по обвинению ФИО4 в умышленном причинении лёгкого вреда здоровью с применением оружия, суд столкнулся с ходатайством стороны защиты об отводе мирового судьи на основании её личного знакомства с потерпевшей ФИО8. Защитник обоснованно указал, что сложившиеся внепроцессуальные отношения между судьёй и потерпевшей создают объективную угрозу нарушения принципа беспристрастности судебного разбирательства независимо от содержания и глубины такого знакомства. Мировой судья, внимательно оценив заявленное ходатайство и руководствуясь частью 1 статьи 61 УПК РФ, признала его обоснованным. Она пришла к выводу, что даже при отсутствии родственных связей или прямой заинтересованности в исходе дела само наличие личного знакомства с одной из сторон процесса способно вызвать у участников производства разумные сомнения в её нейтралитете. Приняв решение об удовлетворении заявления об отводе, судья постановила направить материалы председателю городского суда для решения вопроса об изменении территориальной подсудности. Это решение демонстрирует высокий уровень процессуальной культуры и понимание того, что беспристрастность правосудия должна быть не только реальной, но и воспринимаемой таковой всеми участниками процесса.

Статья 64 УПК РФ устанавливает специальные правила заявления отвода судье, учитывающие особую роль судьи в уголовном процессе [33]. Часть 1 данной статьи предусматривает, что при наличии обстоятельств, предусмотренных статьями 61 и 63 УПК РФ, судье может быть заявлен отвод участниками уголовного судопроизводства. Данное положение подчёркивает, что основаниями для отвода судьи являются как общие обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве (статья 61), так и

специальные основания, связанные с недопустимостью повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела (статья 63).

Часть 2 статьи 64 УПК РФ устанавливает важное процессуальное ограничение: отвод судье заявляется до начала судебного следствия, а в случае рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей – до формирования коллегии присяжных заседателей [33]. В ходе дальнейшего судебного заседания заявление об отводе допускается лишь в случае, когда основание для него ранее не было известно стороне. Данное правило направлено на предотвращение злоупотреблений правом на заявление отвода и недопущение использования института отводов как способа затягивания судебного разбирательства. Законодатель исходит из того, что участники процесса должны проявлять должную осмотрительность и заявлять отвод при первой возможности, как только им стало известно об обстоятельствах, исключающих участие судьи в деле. Вместе с тем закон делает исключение для ситуаций, когда основание для отвода объективно не могло быть известно стороне на более ранней стадии процесса – в таких случаях отвод может быть заявлен и в ходе судебного следствия.

Статья 65 УПК РФ детально регламентирует порядок рассмотрения заявления об отводе судьи, устанавливая различные процедуры в зависимости от состава суда и характера отвода [33].

Часть 1 статьи 65 УПК РФ предусматривает общее правило: отвод, заявленный судье, разрешается судом в совещательной комнате с вынесением определения или постановления [33]. Данное положение подчеркивает, что решение вопроса об отводе требует тщательного обсуждения и не может приниматься в открытом судебном заседании без надлежащего совещания.

Часть 2 статьи 65 УПК РФ устанавливает, что отвод, заявленный судье, разрешается остальными судьями, если уголовное дело рассматривается судом коллегиально, в отсутствие судьи, которому заявлен отвод [33]. Судья, которому заявлен отвод, вправе до удаления остальных судей в совещательную комнату публично изложить свое объяснение по поводу заявленного ему

отвода. Данная процедура представляется наиболее объективной, поскольку решение принимается не самим лицом, чья беспристрастность поставлена под сомнение, а другими судьями, способными беспристрастно оценить обоснованность заявленного отвода. При этом судья, которому заявлен отвод, имеет возможность публично изложить свою позицию, что обеспечивает соблюдение принципа состязательности и открытости при рассмотрении данного вопроса.

Часть 3 статьи 65 УПК РФ регулирует ситуацию, когда отвод заявлен несколькими судьям или всему составу суда: в таком случае вопрос разрешается тем же судом в полном составе большинством голосов [33]. Данная норма вызывает определённые сомнения с точки зрения обеспечения объективности, поскольку судьи, которым заявлен отвод, фактически участвуют в принятии решения о собственном отводе [30, с. 192]. Однако законодатель исходит из практических соображений, поскольку при заявлении отвода всему составу суда не существует иного органа, который мог бы объективно разрешить данный вопрос без передачи дела в другой суд [29, с. 79].

Наиболее проблемной с точки зрения обеспечения объективности является норма части 4 статьи 65 УПК РФ, согласно которой отвод, заявленный судьё, единолично рассматривающему уголовное дело, либо ходатайство о применении меры пресечения или производстве следственных действий, либо жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, разрешается этим же судьёй [33]. Законодательное решение, согласно которому судья самостоятельно решает вопрос о собственном отводе, создаёт очевидный конфликт интересов [24, с. 252]. Должностное лицо, чья беспристрастность поставлена под сомнение, оказывается в положении, когда оно должно объективно оценить обоснованность этих сомнений [25, с. 191]. Такая ситуация противоречит базовому принципу справедливого правосудия, согласно которому никто не может быть судьёй в собственном деле.

Д.Н. Ершова справедливо характеризует предусмотренный в статье 65 УПК РФ механизм отвода судьи как декларативный и требующий

качественной доработки, отмечая, что принятие судьёй решения самостоятельно о своём отводе является субъективным и не может быть признано оправданным [12, с. 86].

Судебная практика подтверждает проблемность данного механизма. С одной стороны, имеются примеры добросовестного применения института самоотвода, когда судьи, осознавая наличие обстоятельств, способных повлиять на их объективность, принимают решение об отстранении от рассмотрения дела. Приведённые выше дела № 1-7/2025 и № 1-18/2025 демонстрируют именно такой подход. С другой стороны, встречаются ситуации, когда судьи отказывают в удовлетворении заявлений об отводе, несмотря на наличие обстоятельств, вызывающих обоснованные сомнения в их беспристрастности.

Часть 5 статьи 65 УПК РФ устанавливает последствия удовлетворения заявления об отводе: в случае удовлетворения заявления об отводе судьи, нескольких судей или всего состава суда уголовное дело, ходатайство либо жалоба передаются в производство соответственно другому судьи или другого состава суда в порядке, установленном УПК РФ [33]. Данная норма обеспечивает реальную возможность замены судьи, в отношении которого установлены обстоятельства, исключающие его участие в деле.

Часть 6 статьи 65 УПК РФ закрепляет важное процессуальное правило: если одновременно с отводом судье заявлен отвод кому-либо из других участников производства по уголовному делу, то в первую очередь разрешается вопрос об отводе судьи [33]. Данное правило обусловлено тем, что именно судья является центральной фигурой судебного разбирательства и его беспристрастность имеет первостепенное значение. Если суд признает отвод судьи обоснованным, необходимость в рассмотрении отводов иным участникам может отпасть, поскольку дело будет передано другому судье.

Статья 66 УПК РФ устанавливает порядок рассмотрения отвода прокурора [33]. Часть 1 данной статьи предусматривает, что решение об отводе прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает

вышестоящий прокурор, а в ходе судебного производства – суд, рассматривающий уголовное дело. Такой подход представляется более объективным по сравнению с порядком рассмотрения отвода судьи, поскольку исключает ситуацию, когда лицо само оценивает наличие оснований для своего отвода. Вышестоящий прокурор или суд, не будучи непосредственно вовлечённым в конкретное уголовное дело, способны более беспристрастно оценить обоснованность заявленного отвода [7, с. 198].

Часть 2 статьи 66 УПК РФ содержит важное уточнение: участие прокурора в производстве предварительного расследования, а равно его участие в судебном разбирательстве не является препятствием для дальнейшего участия прокурора в производстве по данному уголовному делу [33]. Данная норма отражает специфику процессуального статуса прокурора, который может последовательно осуществлять надзор за предварительным расследованием, утверждать обвинительное заключение и поддерживать государственное обвинение в суде. Законодатель исходит из того, что такая последовательность участия прокурора соответствует его функциям в уголовном процессе и не создаёт конфликта интересов.

Статья 67 УПК РФ регламентирует порядок рассмотрения отвода следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя [33]. Часть 1 данной статьи устанавливает, что решение об отводе следователя принимает руководитель следственного органа, а решение об отводе начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя принимает прокурор. Решение об отводе руководителя следственного органа принимает вышестоящий руководитель следственного органа. Аналогично порядку рассмотрения отвода прокурора, данный механизм обеспечивает объективность при разрешении вопроса об отводе, поскольку решение принимается вышестоящим должностным лицом.

Часть 2 статьи 67 УПК РФ устанавливает, что предыдущее участие руководителя следственного органа, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя в производстве

предварительного расследования по данному уголовному делу не является основанием для его отвода [33]. Данное положение объясняется тем, что предварительное расследование представляет собой единый процесс, в ходе которого следователь или дознаватель последовательно выполняет различные процессуальные действия, и само по себе их предыдущее участие в деле не создаёт угрозы утраты объективности.

Статьи 68, 69, 70 и 71 УПК РФ устанавливают порядок рассмотрения отводов соответственно помощнику судьи и секретарю судебного заседания, переводчику, эксперту и специалисту [33]. Общим для всех этих участников является то, что решение об их отводе в ходе досудебного производства принимает дознаватель, следователь, а также суд в случаях, предусмотренных статьей 165 УПК РФ, а в ходе судебного производства – суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей. Данный порядок представляется логичным, поскольку указанные участники не осуществляют властных полномочий по принятию процессуальных решений, а выполняют вспомогательные или специальные функции, и потому не требуется столь сложная процедура разрешения вопроса об их отводе, как в случае с судьёй или прокурором.

Важное значение имеет то, что для помощника судьи, секретаря судебного заседания, переводчика, эксперта и специалиста законодатель устанавливает правило, согласно которому предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в соответствующем качестве не является основанием для его отвода (части 2 статей 68, 69, 70 и 71 УПК РФ) [33]. Это объясняется спецификой функций данных участников: помощник судьи и секретарь судебного заседания выполняют техническую работу по обеспечению судебного разбирательства, переводчик осуществляет перевод процессуальных документов и устной речи, эксперт и специалист применяют специальные знания. Повторное участие этих лиц в деле, как правило, обусловлено необходимостью обеспечения преемственности и не создаёт угрозы утраты объективности.

Практика применения норм об отводах демонстрирует, что суды предъявляют высокие требования к доказанности оснований для отвода прокурора, следователя и иных участников со стороны обвинения. Недостаточно предположений или субъективных подозрений – необходимы конкретные, объективно подтверждённые обстоятельства, свидетельствующие о личной заинтересованности должностного лица в исходе дела.

Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 16 марта 2025 года по делу № 1-290/2024 демонстрирует такой подход. Осуждённый по части 3 статьи 264 УК РФ и его защитник в апелляционной жалобе заявили, что государственный обвинитель С.Н. Баженова якобы лично или косвенно заинтересована в исходе дела, ссылаясь на предполагаемые родственные связи с руководством дорожной службы, чьи действия также могли иметь значение для оценки обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. Суд апелляционной инстанции, проверив указанный довод в свете статьи 61 УПК РФ, пришёл к выводу о его необоснованности. Было отмечено, что объективных доказательств наличия родственных связей между государственным обвинителем и другими участниками процесса не представлено, само по себе несогласие стороны защиты с позицией государственного обвинителя или подозрение в её предвзятости не является основанием для отвода, а уголовное дело рассматривалось исключительно в отношении конкретного лица, и никакие иные лица к ответственности не привлекались. Суд подтвердил, что основания, предусмотренные частью 2 статьи 61 УПК РФ – личная, прямая или косвенная заинтересованность – в данном случае отсутствуют.

Аналогичная позиция была сформулирована в апелляционном постановлении Московского городского суда от 10 марта 2025 года по делу № 3/2-0030/2025. В ходе обжалования постановления Таганского районного суда о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого М.Г.Б. Аль-Казака сторона защиты настаивала на незаконности возбуждения уголовного дела и процессуальной заинтересованности

следователя. Адвокат утверждал, что следователь якобы осуществлял действия по поручению оперативного подразделения ФСБ до возбуждения уголовного дела, в ноябре 2024 года в отношении обвиняемого отсутствовали материалы проверки, что ставит под сомнение процессуальную самостоятельность следователя, и, несмотря на возможный конфликт интересов, следователь не заявил самоотвод, а продолжил процессуальные действия, включая возбуждение дела и обращение в суд с ходатайством об аресте. Сторона защиты ссылалась на положения части 2 статьи 61 и части 1 статьи 62 УПК РФ, полагая, что действия следователя нарушают принцип объективности, а также указывала на потенциальное давление со стороны оперативных служб.

Суд апелляционной инстанции тщательно проанализировал доводы жалобы, но пришёл к выводу, что в действиях следователя отсутствуют признаки личной или иной заинтересованности, способной поставить под сомнение его процессуальную независимость. Было отмечено, что само по себе взаимодействие с оперативным подразделением не доказывает заинтересованность или зависимость следователя, ходатайство о продлении меры пресечения оформлено надлежащим образом с соблюдением статей 109 и 110 УПК РФ в установленный срок и с согласия руководителя следственного органа, нарушений в процедуре возбуждения уголовного дела или задержания не установлено, а само постановление о продлении ареста является мотивированным и обоснованным.

Эти примеры подчёркивают устойчивую правовую позицию судов: для признания прокурора или следователя заинтересованными в исходе дела и применения института отвода необходима не гипотетическая возможность влияния, а конкретные, подтверждённые обстоятельства. Бремя доказывания наличия таких обстоятельств лежит на стороне, заявляющей отвод, и простых предположений или стратегических домыслов для этого недостаточно [35, с. 165].

Нарушение правил об отводах рассматривается судами как безусловное основание для отмены судебного решения, независимо от того, повлияло ли

это нарушение на правильность установления фактических обстоятельств дела или на применение уголовного закона.

Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 9 марта 2025 года по делу № 1-92/2024 представляет яркий пример такого подхода. ФИО2 был осуждён по части 1 статьи 222 УК РФ за незаконное приобретение, хранение и ношение основных частей огнестрельного оружия. Однако апелляционная инстанция установила, что приговор в его отношении выносила судья О.А. Пичугина, которая ранее уже рассматривала уголовное дело в отношении иного лица – фио1 – по обвинению в незаконном сбыте тех же самых частей оружия именно ФИО2. Таким образом, ключевые обстоятельства, касающиеся предмета обвинения ФИО2, уже были предметом оценки судьёй в другом процессе, и в её решении по делу фио1 были сформулированы выводы, напрямую касающиеся виновности ФИО2 как покупателя оружия.

Суд апелляционной инстанции обоснованно сослался на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела по обстоятельствам, в оценке которых он уже принимал участие, недопустимо. Независимо от того, было ли предыдущее решение отменено, сам факт вынесения судьёй ранее процессуального акта по тем же событиям лишает её необходимой процессуальной нейтральности. Повторное рассмотрение дела в такой ситуации подрывает презумпцию невиновности, поскольку судья, по сути, становится не только арбитром, но и автором предшествующего правового суждения, касающегося нового подсудимого. Учитывая выявленное нарушение, апелляционная инстанция признала состав суда незаконным и отменила приговор, направив уголовное дело на новое рассмотрение в тот же суд, но с участием иного судьи.

Данное решение подчёркивает, насколько критично соблюдение норм, исключающих повторное участие судьи в рассмотрении дел, связанных с одними и теми же обстоятельствами. Оно также демонстрирует, что даже на

стадии апелляционного рассмотрения приоритет отдаётся обеспечению реальной беспристрастности судебного разбирательства, а не только формальному соблюдению процедуры.

Особого внимания заслуживает вопрос о последствиях нарушения установленного порядка рассмотрения отводов. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 20 марта 2025 года по делу № 22К-0480/2025 представляет показательный пример такой ситуации. Гражданин обжаловал бездействие следственного органа в порядке статьи 125 УПК РФ. В рамках судебного заседания заявитель последовательно просил признать незаконным отказ руководителя следственного органа рассмотреть отвод следователю, затем заявил отвод самому следователю, прокурору, а также судье, ссылаясь на их личную или процессуальную заинтересованность [6].

Ключевой проблемой, выявленной судом апелляционной инстанции, стало нарушение установленного законом порядка разрешения заявленных отводов. Суд первой инстанции рассмотрел отводы одновременно и без соблюдения последовательности, предусмотренной частью 6 статьи 65 УПК РФ. Между тем порядок требует сначала разрешить вопрос об отводе судьи, и только после этого – иных участников. Суд, проигнорировав это требование, фактически допустил участие в принятии решения по жалобе лица, в отношении которого сам заявитель поставил вопрос о законности и беспристрастности.

Дополнительно суд апелляционной инстанции указал, что судья, рассматривавшая жалобу, ранее уже разрешала аналогичные доводы в рамках другого материала, поступившего от того же заявителя. Несмотря на то что речь шла не об идентичном постановлении, предмет оценки – действия того же следователя и та же предполагаемая волокита – уже были предметом правовой позиции судьи. Таким образом, в деле возникла ситуация повторного участия судьи в оценке близких по существу обстоятельств, что, по позиции

Конституционного Суда Российской Федерации, ставит под сомнение её объективность.

Суд апелляционной инстанции также обратил внимание на недостаточную ясность и неполноту резолютивной части постановления суда первой инстанции. В частности, не были чётко обозначены должностные лица, действия которых признаны незаконными, и отсутствовала формулировка по ряду процессуальных требований заявителя. Это, в совокупности с нарушением порядка рассмотрения отводов, позволило сделать вывод о существенном нарушении требований уголовно-процессуального закона, влияющем на исход дела.

Данный пример убедительно демонстрирует, что процессуальная форма имеет не менее важное значение, чем содержание принимаемого решения. Отступление от установленных процедур, особенно в вопросах отвода, неизбежно сказывается на доверии к судебному решению. Объективность суда не может быть предметом компромисса, а потому любые отклонения от порядка, установленного УПК РФ, подлежат безусловному устранению.

Вместе с тем судебная практика сталкивается с проблемой злоупотребления правом на заявление отвода. Некоторые участники процесса используют институт отводов не для обеспечения беспристрастности правосудия, а как тактический приём для затягивания процесса, оказания давления на должностных лиц или создания оснований для последующего обжалования судебных решений. Суды реагируют на такие попытки достаточно жёстко, отклоняя необоснованные отводы и указывая на недопустимость злоупотребления процессуальными правами. Приведённое выше дело № 1-290/2024 демонстрирует именно такую ситуацию – суд квалифицировал доводы защиты о заинтересованности прокурора как домыслы и предположения, не подтверждённые объективными данными.

Однако определение границы между обоснованным заявлением об отводе и злоупотреблением процессуальным правом представляет собой непростую задачу. Законодатель не устанавливает чётких критериев для

разграничения этих ситуаций, оставляя решение вопроса на усмотрение правоприменителя. С одной стороны, необходимо обеспечить реальную возможность для участников процесса ставить вопрос об устранении заинтересованных лиц, с другой – не допустить превращения института отводов в инструмент обструкции правосудия. Суды при разрешении этого вопроса исходят из анализа конкретных обстоятельств дела, оценивая наличие объективных данных, подтверждающих заявленные основания отвода, добросовестность заявителя и соответствие его доводов фактическим обстоятельствам.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности обжалования решений об отказе в удовлетворении отвода. Уголовно-процессуальный кодекс не содержит специальных положений о порядке обжалования таких решений, что создаёт определённую правовую неопределённость. На практике сложилось два основных подхода.

Первый заключается в том, что решение об отказе в отводе может быть обжаловано только одновременно с обжалованием итогового процессуального решения по делу – приговора, определения или постановления. Второй подход допускает самостоятельное обжалование отказа в отводе судьи в вышестоящую судебную инстанцию.

Представляется, что первый подход в большей степени соответствует принципу процессуальной экономии и не приводит к неоправданному затягиванию производства по делу, однако он не всегда обеспечивает своевременную защиту права на беспристрастное рассмотрение дела. Второй подход создаёт дополнительные гарантии объективности правосудия, но может использоваться недобросовестными участниками для затягивания процесса.

Представленные примеры из судебной практики наглядно показывают, как работает механизм отводов в условиях реального уголовного судопроизводства. Изучение дел позволяет увидеть, что суды исходят не только из буквального толкования норм УПК РФ, но и из необходимости сохранить

доверие к системе правосудия. В центре внимания оказывается вопрос беспристрастности – не формальной, а воспринимаемой участниками процесса как реальная и гарантированная. Даже при отсутствии прямых нарушений судьи нередко принимают решения о самоотводе, осознавая, что любые личные связи или участие в сопредельных делах могут поставить под сомнение их нейтралитет.

Вместе с тем судебная практика демонстрирует высокую требовательность к заявлениям об отводе прокуроров и следователей. Голословные подозрения и процессуальные неудачи не воспринимаются как достаточные основания. Правосудие здесь стремится удержать равновесие – защитить интересы сторон, не позволив использовать институт отводов как способ давления или затягивания процесса.

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда нарушение порядка рассмотрения отвода или повторное участие судьи в аналогичном деле становится основанием для отмены судебного акта. Всё это подчёркивает, насколько важна не только суть, но и процессуальная форма.

Обобщая изложенное, следует отметить, что процессуальный порядок заявления, рассмотрения и разрешения вопросов об исключении участия в уголовном судопроизводстве представляет собой детально регламентированный механизм, призванный обеспечить реализацию конституционного права на справедливое судебное разбирательство. Эффективность этого механизма зависит от добросовестного соблюдения установленных процедур всеми участниками процесса, от профессионализма и этической позиции должностных лиц, от готовности судов строго следовать требованиям закона и защищать принцип беспристрастности правосудия.

Судебная практика в сфере отводов подтверждает, что справедливость в уголовном процессе не может быть достигнута без строгого соблюдения процедуры, внимательности к деталям и готовности реагировать на любые обстоятельства, способные повлиять на объективность рассмотрения дела. Вместе с тем анализ практики выявляет ряд системных проблем, требующих

законодательного и доктринального осмысления, что обуславливает необходимость перехода к рассмотрению проблемных аспектов применения института отводов и выработке предложений по его совершенствованию.

Представим выводы по второй главе исследования.

Система оснований, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, построена на принципе дифференциации в зависимости от правового статуса участников процесса и степени объективности соответствующих обстоятельств. Законодатель выделяет абсолютные основания, не требующие дополнительной оценки их влияния на беспристрастность (предыдущее участие в ином процессуальном качестве, родственные связи с участниками процесса), и относительные основания, предполагающие анализ конкретных обстоятельств дела (личная заинтересованность в исходе дела, близкие отношения с участниками). Специальные основания для отвода установлены в отношении судей (недопустимость повторного участия в рассмотрении одного дела на различных стадиях), экспертов и специалистов (служебная зависимость от сторон, некомпетентность), защитников и представителей (конфликт интересов при одновременном или последовательном представлении противоположных сторон). Судебная практика демонстрирует строгий подход к оценке оснований для отвода должностных лиц со стороны обвинения, требуя представления конкретных доказательств заинтересованности, и более гибкий подход при оценке оснований для самоотвода судей, признавая необходимость устранения даже потенциальных сомнений в беспристрастности.

Процессуальный порядок заявления, рассмотрения и разрешения вопросов об исключении участия в уголовном судопроизводстве характеризуется детальной регламентацией, однако содержит существенные недостатки с точки зрения обеспечения объективности при разрешении отводов. Наиболее проблемным является механизм самостоятельного рассмотрения судьей вопроса о собственном отводе при единоличном

рассмотрении дела, что создает очевидный конфликт интересов и превращает право на заявление отвода в формальную гарантию.

Порядок рассмотрения отводов прокурора, следователя и дознавателя является более объективным, поскольку предполагает разрешение вопроса вышестоящим должностным лицом или судом, однако практика демонстрирует высокую требовательность к доказыванию оснований для отвода и склонность к отклонению отводов, основанных на косвенных признаках заинтересованности.

Судебная практика подтверждает, что нарушение правил об отводах, особенно повторное участие судьи в рассмотрении одних и тех же фактических обстоятельств в различных делах, является безусловным основанием для отмены судебного решения независимо от правильности установления иных обстоятельств дела, что свидетельствует о фундаментальном значении принципа беспристрастности для легитимности правосудия.

Глава 3 Проблемы применения института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, и направления его совершенствования

3.1 Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве

Проведенное исследование нормативно-правовой базы, теоретических подходов и судебной практики позволяет выявить системные проблемы функционирования института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве. Эти проблемы носят как законодательный, так и правоприменительный характер, создавая препятствия для полноценной реализации принципа беспристрастности правосудия и порождая ситуации правовой неопределенности.

Первой и наиболее острой проблемой выступает порядок самостоятельного разрешения судьей вопроса о собственном отводе при единоличном рассмотрении дела. Часть 4 статьи 65 УПК РФ закрепляет механизм, при котором судья, чья беспристрастность поставлена под сомнение участниками процесса, самостоятельно принимает решение об обоснованности этих сомнений. Как справедливо отмечает Д.Н. Ершова, такой механизм носит декларативный характер и противоречит фундаментальному принципу, согласно которому никто не может быть судьей в собственном деле [12, с. 86]. Судебная практика демонстрирует неоднозначность применения данной нормы. С одной стороны, существуют примеры добросовестного самоотвода, когда судьи осознанно устраняются от рассмотрения дел при наличии личного знакомства с участниками или предыдущего участия в оценке схожих обстоятельств. С другой стороны, нередки случаи формального отказа в удовлетворении отводов без должного анализа заявленных оснований. Субъективность оценки создает риск сохранения в процессе лица,

объективность которого вызывает обоснованные сомнения, что подрывает доверие к правосудию. Проблема усугубляется отсутствием эффективного механизма обжалования отказа в отводе до вынесения итогового решения по делу, поскольку участник процесса вынужден дожидаться завершения разбирательства, чтобы оспорить законность состава суда в апелляционной инстанции.

Усугубляет данную проблему отсутствие детальных критериев мотивировки отказа в удовлетворении отвода. УПК РФ не устанавливает требований к содержанию и обоснованности постановления об отказе в отводе, что приводит к вынесению формальных решений без надлежащего анализа заявленных доводов. Судьи нередко ограничиваются общими фразами о том, что представленные участником обстоятельства не подтверждают наличие оснований для отвода, не раскрывая при этом, почему конкретные факты не свидетельствуют о заинтересованности или утрате беспристрастности. Такой подход лишает участников процесса возможности понять логику принятого решения и формирует впечатление о предвзятости судьи, отказывающегося признать очевидные для сторон обстоятельства. Отсутствие развернутой мотивировки затрудняет также последующее обжалование отказа в отводе, поскольку вышестоящая инстанция не имеет возможности оценить, были ли должным образом исследованы все обстоятельства, на которые ссылался заявитель.

Второй существенной проблемой является неполнота законодательного перечня должностных лиц, предыдущее участие которых исключает последующее выступление в качестве защитника или представителя. Статья 72 УПК РФ запрещает адвокату участвовать в деле, если он ранее выступал в нем как судья, прокурор, следователь, дознаватель или иной участник процесса, однако не упоминает руководителя следственного органа. Как обоснованно указывает А.Н. Батанов, руководитель следственного органа обладает полной информацией о материалах дел, находящихся в производстве возглавляемого им подразделения, знаком с планами расследования,

тактическими решениями и уязвимыми местами обвинения [8, с. 18]. Переход такого лица в адвокатуру и принятие к защите лиц по делам, расследовавшимся под его руководством, создает неустранимое процессуальное неравенство сторон. Защитник получает доступ к конфиденциальной информации, недоступной стороне обвинения в момент судебного разбирательства, что противоречит принципу состязательности. Кроме того, такая практика порождает у общественности и участников процесса обоснованные подозрения в существовании неформальных связей между представителями органов уголовной юстиции и адвокатами, подрывая легитимность правосудия.

Аналогичная проблема существует применительно к участию в качестве защитника бывших прокуроров, осуществлявших надзор за расследованием конкретного дела или утверждавших обвинительное заключение по нему. Прокурор в силу своих надзорных полномочий имеет доступ ко всем материалам уголовного дела, включая сведения, составляющие тайну следствия, ознакомлен с позицией следствия по всем ключевым вопросам дела и нередко участвует в формировании стратегии обвинения. Последующее участие такого лица в качестве защитника обвиняемого по тому же делу создает ситуацию, когда адвокат фактически использует информацию, полученную им в рамках выполнения функции уголовного преследования, для противодействия этому преследованию. Хотя формально статья 72 УПК РФ запрещает участие прокурора в качестве защитника по делу, в производстве которого он участвовал, практика показывает, что это ограничение легко обходится путем передачи дела другому адвокату из той же юридической фирмы или путем неформального консультирования. Законодательство не содержит механизмов предотвращения таких злоупотреблений, что создает дополнительные риски для справедливости процесса.

Третья проблема связана с оценочным характером формулировки части 2 статьи 61 УПК РФ об иных обстоятельствах, дающих основание полагать, что должностное лицо лично, прямо или косвенно заинтересовано в исходе

дела. Открытый перечень оснований для отвода, с одной стороны, обеспечивает гибкость правового регулирования и позволяет учитывать многообразие жизненных ситуаций. С другой стороны, отсутствие четких критериев личной заинтересованности создает пространство для субъективных интерпретаций и судебного усмотрения. Анализ судебной практики показывает, что суды предъявляют высокие требования к доказыванию личной заинтересованности, отклоняя отводы, основанные на предположениях или косвенных признаках. Вместе с тем единые стандарты оценки таких обстоятельств отсутствуют, что приводит к отсутствию единообразия практики. В одних случаях суды удовлетворяют отводы при наличии личного знакомства между судьей и потерпевшим, в других требуют доказательств родственных связей или имущественной зависимости. Неопределенность критериев создает риск как необоснованного отклонения заявлений об отводе при наличии реальных оснований сомневаться в беспристрастности, так и злоупотребления институтом отводов для затягивания процесса.

Четвертой проблемой выступает недостаточная регламентация понятия близких отношений между участниками процесса. Статья 61 УПК РФ использует формулировки «близкий родственник» и «родственник», однако не раскрывает содержание понятия «близкое лицо» применительно к неродственным связям. УПК РФ в статье 5 определяет близких родственников как супругов, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек и внуков, однако не устанавливает критерии для признания лица близким вне родственных отношений. Судебная практика демонстрирует, что к близким лицам относятся не только родственники, но и лица, связанные дружескими, доверительными или иными устойчивыми отношениями. Однако отсутствие законодательных критериев приводит к тому, что оценка близости отношений осуществляется правоприменителем исключительно на основе собственного усмотрения. Возникают сложности в определении момента, когда знакомство перерастает в близкие отношения, а

также в установлении степени близости, достаточной для признания наличия оснований для отвода.

Особую сложность представляет оценка профессиональных связей между участниками процесса как основания для отвода. Судебная практика демонстрирует неопределенность в вопросе о том, являются ли основанием для отвода судьи его предыдущие служебные отношения с одним из участников процесса, если эти отношения прекратились несколько лет назад. Например, если судья ранее работал в одном следственном органе с адвокатом стороны защиты, но после увольнения прошло значительное время, формально основания для отвода отсутствуют, однако сохранившиеся личные связи могут влиять на восприятие беспристрастности судебного разбирательства. Законодательство не содержит временных критериев, позволяющих определить, в течение какого периода после прекращения служебных отношений они продолжают рассматриваться как основание для сомнений в объективности. Аналогичная проблема возникает при оценке совместного обучения, участия в общественных организациях, профессиональных ассоциациях или иных формах взаимодействия, которые могут создавать устойчивые связи между участниками процесса.

Пятая проблема касается процессуальных последствий нарушения правил об отводах на стадии предварительного расследования. В то время как нарушение правил об отводах судьи рассматривается судами как безусловное основание для отмены приговора, последствия участия в расследовании следователя или дознавателя при наличии оснований для отвода оцениваются менее строго. Суды нередко исходят из того, что участие заинтересованного следователя в производстве отдельных следственных действий не является основанием для признания полученных доказательств недопустимыми, если иные участники процесса не заявляли своевременно об отводе. Такой подход создает ситуацию, при которой нарушение принципа беспристрастности на досудебной стадии не влечет тех же правовых последствий, что и аналогичное нарушение в суде, хотя объективность предварительного расследования имеет

не меньшее значение для установления истины по делу и защиты прав участников процесса.

Проблема усугубляется тем, что на стадии предварительного расследования участники процесса нередко не обладают достаточной информацией для своевременного заявления отвода следователю или дознавателю. Обвиняемый и его защитник могут не знать о родственных связях следователя с потерпевшим, о его предыдущем участии в смежных делах или иных обстоятельствах, исключающих участие, поскольку доступ к такой информации на досудебной стадии ограничен. Следователь не обязан раскрывать участникам процесса сведения о своих личных связях, если они сами не поставят прямой вопрос об этом, что создает информационную асимметрию. В результате основания для отвода нередко выявляются только в ходе судебного разбирательства, когда становится доступна полная информация о составе участников процесса и их взаимоотношениях. К этому моменту следователем уже совершены все ключевые следственные действия, получены доказательства, сформулировано обвинение, и признание этих действий незаконными влечет необходимость фактического повторения всего расследования, что создает чрезмерную нагрузку на правоохранительную систему и затягивает сроки производства по делу.

Шестой проблемой является отсутствие законодательного регулирования временного отстранения должностного лица от участия в деле на период рассмотрения заявления об отводе. УПК РФ не содержит прямого указания на то, вправе ли следователь, дознаватель или судья продолжать производство процессуальных действий после заявления отвода, но до принятия решения по нему. Правоприменительная практика исходит из того, что заявление отвода само по себе не приостанавливает полномочия должностного лица, и оно вправе продолжать производство по делу до принятия решения об удовлетворении или отклонении отвода. Однако такой подход создает риск совершения процессуальных действий лицом, в отношении которого впоследствии может быть установлено наличие

оснований для отвода, что ставит под сомнение законность таких действий и требует их повторного проведения. Особенно остро эта проблема проявляется при рассмотрении отводов судьей в ходе судебного разбирательства, когда между заявлением отвода и его разрешением судьей продолжает руководить процессом и принимать процессуальные решения.

Седьмой проблемой выступает недостаточная эффективность механизма выявления оснований для отвода на ранних стадиях процесса. Действующее законодательство не возлагает на должностных лиц обязанности активно выявлять и информировать участников процесса о наличии обстоятельств, которые могут служить основанием для отвода. Следователь, дознаватель или судья не обязаны при первом контакте с участниками процесса сообщать о своих связях с другими участниками, предыдущем участии в смежных делах или иных обстоятельствах, способных повлиять на объективность. Участники процесса, в свою очередь, могут не обладать информацией о таких обстоятельствах, особенно на начальных стадиях производства. В результате основания для отвода нередко выявляются на поздних стадиях процесса, когда уже совершены значительные процессуальные действия, принятие которых требовало участия объективного и беспристрастного должностного лица. Запоздалое выявление оснований для отвода влечет необходимость повторного производства процессуальных действий, что увеличивает сроки производства по делу и создает дополнительную нагрузку на органы уголовной юстиции.

Существенной проблемой является также отсутствие единого подхода к оценке публичных высказываний должностных лиц как основания для их отвода. В современных условиях широкого распространения социальных сетей и интернет-платформ судьи, прокуроры и следователи нередко выражают свою позицию по актуальным правовым вопросам, участвуют в публичных дискуссиях, дают интервью средствам массовой информации. Возникает вопрос о том, в какой мере публичное выражение должностным лицом определенной правовой позиции по категории дел, к которой относится рассматриваемое им дело, может служить основанием для сомнений в его

беспристрастности. Законодательство не содержит критериев разграничения допустимого выражения профессионального мнения и недопустимой предварительной оценки обстоятельств конкретного дела. Судебная практика по данному вопросу также не является единообразной. Одни суды полагают, что общие высказывания должностного лица о принципах квалификации определенной категории преступлений не могут служить основанием для отвода при рассмотрении конкретного дела данной категории. Другие исходят из того, что публичное выражение категоричной позиции свидетельствует о предвзятости и утрате способности к объективной оценке обстоятельств. Отсутствие четких критериев создает неопределенность и затрудняет защиту принципа беспристрастности в условиях цифровой эпохи.

Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости комплексного совершенствования правового регулирования института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве. Законодательные пробелы и неопределенности в сочетании с отсутствием единообразия правоприменительной практики создают угрозу реализации конституционного права на справедливое судебное разбирательство и подрывают доверие к системе правосудия. Устранение этих недостатков требует как внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, так и формирования единообразной судебной практики применения норм об отводах.

3.2 Направления совершенствования правового регулирования и механизма реализации института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве

Выявленные в ходе исследования проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики института отводов требуют выработки конкретных предложений по их устранению. Совершенствование данного института должно осуществляться по нескольким направлениям, включающим изменение процедуры рассмотрения отводов, уточнение

оснований для отвода, усиление гарантий своевременного выявления обстоятельств, препятствующих участию в деле, и формирование единообразной правоприменительной практики.

Первым и наиболее важным направлением совершенствования является изменение порядка рассмотрения отвода судьей при единоличном рассмотрении дела. Существующий механизм самостоятельного разрешения судьей вопроса о собственном отводе фактически превращает данный институт в декларативную норму, лишенную реального правового содержания. Анализ зарубежного опыта показывает, что в большинстве развитых правовых систем вопрос об отводе судьи разрешается либо коллегиально вышестоящим судом, либо специальным органом судейского сообщества, что исключает ситуацию конфликта интересов. Представляется, что Российская Федерация должна имплементировать аналогичные механизмы, основанные на принципе независимой проверки оснований для отвода.

Необходимо исключить из части 4 статьи 65 УПК РФ положение о том, что отвод судьей, единолично рассматривающему уголовное дело, разрешается этим же судьей. Вместо этого следует установить обязательную передачу вопроса об отводе на рассмотрение вышестоящего суда или председателя суда, в котором рассматривается дело. Такой механизм обеспечит объективность при разрешении вопроса об отводе, поскольку решение будет приниматься лицом, не вовлеченным в конкретное разбирательство и не имеющим личной заинтересованности в его исходе. При этом для предотвращения злоупотреблений правом на заявление отвода и необоснованного затягивания процесса целесообразно установить сокращенные сроки рассмотрения таких заявлений. Вышестоящий суд или председатель суда должны разрешать вопрос об отводе в течение трех рабочих дней с момента поступления материалов, что обеспечит баланс между необходимостью объективного рассмотрения отвода и недопущением неоправданного затягивания производства по делу. Аналогичный порядок следует распространить на рассмотрение отводов при

разрешении судьей ходатайств о применении мер пресечения и производстве следственных действий, а также жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ.

Важным дополнением к изменению порядка рассмотрения отводов должно стать установление детальных требований к мотивировке решений об отказе в удовлетворении отвода. Необходимо дополнить статью 65 УПК РФ частью, обязывающей орган, рассматривающий заявление об отводе, в постановлении или определении об отказе в его удовлетворении указывать конкретные мотивы, по которым заявленные обстоятельства не признаны достаточными для отвода. Мотивировка должна содержать анализ каждого из доводов заявителя, оценку представленных доказательств и обоснование вывода об отсутствии оснований, предусмотренных статьями 61, 63, 70, 71 или 72 УПК РФ. Простое указание на то, что заявленные обстоятельства не подтверждены или не свидетельствуют о заинтересованности, без раскрытия логики принятого решения, должно рассматриваться как существенное нарушение процессуального закона. Детальная мотивировка позволит участникам процесса понять основания принятого решения, обеспечит прозрачность процедуры рассмотрения отводов и создаст основу для эффективного обжалования необоснованных отказов в отводе.

Вторым направлением совершенствования выступает устранение законодательного пробела в части оснований отвода защитника. Необходимо дополнить часть 1 статьи 72 УПК РФ положением о том, что защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он в течение трех лет до начала своего участия в деле занимал должность руководителя следственного органа, в производстве которого находилось данное дело. Трехлетний срок представляется оптимальным, поскольку, с одной стороны, он достаточен для утраты бывшим руководителем актуальной информации о текущих делах и тактических планах расследования, а с другой стороны, не создает чрезмерных ограничений для профессиональной деятельности адвокатов из числа бывших сотрудников правоохранительных органов. Данная норма должна распространяться не только на дела, по которым руководитель

следственного органа лично принимал процессуальные решения, но и на все дела, находившиеся в производстве возглавляемого им органа, поскольку руководитель в силу своих полномочий имеет доступ к информации о всех расследуемых делах. Введение такого ограничения позволит обеспечить реальное равенство сторон в процессе и устранить ситуации, когда защитник обладает информационным преимуществом перед стороной обвинения.

Аналогичное ограничение следует распространить на бывших прокуроров, осуществлявших надзор за расследованием конкретного дела. Целесообразно дополнить статью 72 УПК РФ положением о том, что защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он в течение трех лет до начала своего участия в деле осуществлял прокурорский надзор за его расследованием, утверждал обвинительное заключение или обвинительный акт по нему либо поддерживал государственное обвинение на предварительных слушаниях. Прокурор в силу своего процессуального положения обладает исчерпывающей информацией о позиции следствия, знаком со всеми материалами дела и нередко определяет стратегию обвинения. Последующее использование этой информации в интересах защиты создает неустранимый конфликт интересов и нарушает принцип равенства сторон. При этом данное ограничение не должно распространяться на ситуации, когда прокурор осуществлял надзор в порядке подчиненности, но не имел непосредственного отношения к конкретному делу, что требует четкого законодательного разграничения степени вовлеченности прокурора в расследование как критерия применения ограничения.

Третьим направлением является конкретизация понятия личной заинтересованности должностного лица в исходе дела. Оценочный характер данной категории создает пространство для судейского усмотрения, которое при отсутствии четких критериев может приводить как к необоснованному отклонению отводов, так и к злоупотреблениям со стороны недобросовестных участников процесса. Законодательное закрепление типичных проявлений личной заинтересованности не только унифицирует правоприменительную

практику, но и повысит предсказуемость судебных решений, создавая для участников процесса понятные ориентиры при оценке необходимости заявления отвода. Важно при этом подчеркнуть, что перечень обстоятельств должен носить открытый характер, позволяя учитывать многообразие жизненных ситуаций, не поддающихся исчерпывающей регламентации.

Целесообразно дополнить часть 2 статьи 61 УПК РФ примерным перечнем обстоятельств, которые могут свидетельствовать о наличии такой заинтересованности. К таким обстоятельствам следует отнести имущественную зависимость должностного лица от участника процесса, наличие между ними деловых отношений, участие должностного лица в качестве учредителя или работника организации, являющейся стороной процесса, публичное выражение должностным лицом позиции по обстоятельствам дела до начала его рассмотрения, наличие судебного спора между должностным лицом и участником процесса. Такой перечень должен носить открытый характер, чтобы не исключать возможность установления иных обстоятельств, свидетельствующих о заинтересованности. Вместе с тем законодательное закрепление типичных ситуаций создаст ориентиры для правоприменителей и будет способствовать формированию единообразной практики оценки оснований для отвода.

Четвертым направлением выступает уточнение понятия близких отношений между участниками процесса. Следует дополнить статью 5 УПК РФ определением близкого лица, под которым предлагается понимать лицо, состоящее с участником процесса в отношениях, основанных на взаимном доверии, привязанности или зависимости, в том числе жениха, невесту, сожителя, опекуна, попечителя, подопечного, а также иных лиц, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство. Данное определение должно носить ориентирующий характер, не исключая возможности признания близкими и иных лиц при доказанности устойчивых доверительных отношений между ними. При оценке близости отношений правоприменителю следует исходить из объективных критериев, таких как длительность

знакомства, регулярность контактов, наличие совместных интересов или обязательств, а не из субъективных оценок степени эмоциональной привязанности. Законодательное закрепление понятия близкого лица позволит обеспечить единообразие практики применения пункта 3 части 1 статьи 61 УПК РФ и устранил неопределенность в вопросе о том, какие отношения следует считать близкими для целей отвода.

Пятым направлением совершенствования является усиление правовых последствий нарушения правил об отводах на стадии предварительного расследования. Необходимо дополнить статью 75 УПК РФ положением о том, что доказательства, полученные следователем или дознавателем при наличии оснований для их отвода, предусмотренных статьей 61 УПК РФ, признаются недопустимыми, если сторона заявила об отводе при первой возможности после того, как ей стало известно о соответствующих обстоятельствах. Данная норма создаст действенный стимул для должностных лиц своевременно заявлять самоотвод при наличии обстоятельств, препятствующих их участию в деле, а также обеспечит реальную защиту прав участников процесса от произвола заинтересованных следователей и дознавателей. При этом следует установить, что недопустимость доказательств не наступает, если участники процесса знали об обстоятельствах, исключающих участие следователя или дознавателя, но не заявляли своевременно об отводе, что предотвратит злоупотребления данным правом.

Шестым направлением является введение института временного отстранения должностного лица от участия в деле на период рассмотрения заявления об отводе. Следует дополнить статью 65 УПК РФ частью, устанавливающей, что с момента заявления отвода судьей и до принятия решения о его удовлетворении или отклонении судья не вправе совершать процессуальные действия по делу, за исключением неотложных действий, промедление в совершении которых может повлечь невосполнимую утрату доказательств. Аналогичное правило должно распространяться на следователя и дознавателя. Руководитель следственного органа или прокурор при

получении заявления об отводе следователя или дознавателя обязаны немедленно решить вопрос о возможности продолжения производства процессуальных действий до разрешения отвода либо о временной передаче дела другому должностному лицу. Такой механизм позволит предотвратить ситуации, когда заинтересованное лицо продолжает осуществлять производство по делу, зная о заявленном отводе, и совершает действия, которые впоследствии могут быть признаны незаконными.

Седьмым направлением выступает создание механизма активного выявления оснований для отвода на ранних стадиях процесса. Важно дополнить УПК РФ положением, обязывающим следователя, дознавателя и судью при первом контакте с участником процесса выяснять, известны ли ему какие-либо обстоятельства, препятствующие участию должностного лица в производстве по делу, а также сообщать участнику о своих связях с другими участниками процесса, предыдущем участии в смежных делах или иных обстоятельствах, которые могут вызвать сомнения в объективности. Такая информация должна фиксироваться в протоколе процессуального действия или заноситься в специальную анкету, которая приобщается к материалам дела. Участник процесса должен быть разъяснен о праве заявить отвод и о последствиях непредъявления такого заявления при наличии оснований. Введение процедуры предварительного выявления оснований для отвода позволит своевременно устранять из процесса заинтересованных лиц и избежать необходимости повторного производства на поздних стадиях.

Помимо законодательных изменений, совершенствование института отводов требует формирования единообразной судебной практики через разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Отсутствие обобщающих разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам применения института отводов приводит к формированию региональных различий в подходах к оценке оснований для отвода и процедуре их рассмотрения. Судьи нижестоящих инстанций вынуждены самостоятельно интерпретировать оценочные понятия и разрешать сложные ситуации без

методологической поддержки, что неизбежно порождает разнообразие практики и создает предпосылки для судебных ошибок. Принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения норм об отводах позволит консолидировать накопленный судебный опыт, устранить противоречия в толковании закона и обеспечить единообразие правоприменения на всей территории Российской Федерации.

Необходимо принять постановление Пленума, в котором были бы разъяснены критерии оценки оснований для отвода, порядок разрешения сложных ситуаций, связанных с повторным участием судьи в рассмотрении дел по смежным эпизодам, подходы к определению личной заинтересованности должностного лица и близости отношений между участниками процесса. Такие разъяснения должны учитывать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о недопустимости повторного участия судьи в оценке одних и тех же обстоятельств, о необходимости обеспечения не только реальной, но и воспринимаемой беспристрастности правосудия, о недопустимости формального подхода к рассмотрению заявлений об отводе. Формирование единообразной практики позволит устранить региональные различия в применении норм об отводах и обеспечит предсказуемость судебных решений.

Важным направлением совершенствования является также усиление этической составляющей института отводов через развитие положений Кодекса судейской этики и Кодекса профессиональной этики адвоката. Следует детализировать этические стандарты поведения судей и адвокатов в ситуациях, когда формально основания для отвода отсутствуют, но имеются обстоятельства, способные вызвать сомнения в объективности. Необходимо закрепить этическую обязанность судьи заявлять самоотвод не только при наличии юридических оснований, но и в случаях, когда его участие в деле может быть воспринято участниками процесса или обществом как необъективное. Аналогичная этическая норма должна распространяться на адвокатов, которым следует воздерживаться от принятия поручений в

ситуациях потенциального конфликта интересов, даже если формальных оснований для отвода не имеется. Усиление этической составляющей позволит перенести акцент с формального соблюдения правовых норм на добросовестное обеспечение беспристрастности на всех стадиях процесса.

Реализация предложенных направлений совершенствования требует комплексного подхода, включающего внесение изменений в УПК РФ, принятие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, корректировку этических кодексов и проведение обучающих мероприятий для судей, прокуроров, следователей и адвокатов. Только системное воздействие на законодательном, правоприменительном и этическом уровнях способно обеспечить эффективное функционирование института отводов и реальное обеспечение беспристрастности правосудия. Устранение выявленных проблем позволит повысить доверие граждан к системе уголовной юстиции, обеспечить реализацию конституционного права на справедливое судебное разбирательство и предотвратить судебные ошибки, связанные с участием в деле заинтересованных лиц.

Представим выводы по третьей главе исследования.

Проведенный анализ выявил комплекс системных проблем правового регулирования и правоприменительной практики института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве. Ключевой проблемой является порядок самостоятельного разрешения судьей вопроса о собственном отводе, противоречащий принципу независимой проверки оснований для отстранения от участия в деле. Существенным пробелом законодательства выступает отсутствие запрета на участие в качестве защитника лиц, ранее занимавших должности руководителей следственных органов или прокуроров по делам, находившимся в их производстве, что создает неустранимое процессуальное неравенство сторон. Оценочный характер формулировки личной заинтересованности должностного лица и отсутствие законодательных критериев близких отношений между участниками процесса порождают неопределенность правоприменения и формирование противоречивой

судебной практики. Недостаточная регламентация правовых последствий нарушения правил об отводах на стадии предварительного расследования, отсутствие механизма временного отстранения должностного лица на период рассмотрения заявления об отводе и неэффективность процедуры выявления оснований для отвода на ранних стадиях процесса создают препятствия для обеспечения реальной беспристрастности уголовного судопроизводства.

Совершенствование правового регулирования и механизма реализации института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, должно осуществляться по следующим направлениям. Необходимо изменить порядок рассмотрения отвода судьей при единоличном рассмотрении дела, передав полномочия по разрешению данного вопроса вышестоящему суду или председателю суда, что исключит конфликт интересов и обеспечит объективность проверки оснований для отвода. Требуется устранить пробел путем установления запрета на участие в качестве защитника лиц, в течение трех лет до начала участия в деле занимавших должности руководителей следственных органов или прокуроров по делам, находившимся в их производстве. Важно конкретизировать понятие личной заинтересованности должностного лица путем законодательного закрепления примерного перечня обстоятельств, свидетельствующих о такой заинтересованности, и дополнить УПК РФ определением близкого лица. Необходимо усилить правовые последствия нарушения правил об отводах на стадии предварительного расследования, установив недопустимость доказательств, полученных заинтересованным следователем или дознавателем, ввести институт временного отстранения должностного лица на период рассмотрения заявления об отводе и создать механизм активного выявления оснований для отвода на ранних стадиях процесса. Реализация предложенных мер в сочетании с формированием единообразной судебной практики через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и усилением этических стандартов позволит обеспечить эффективное функционирование института отводов и повысить доверие к системе правосудия.

Заключение

Нормативно-правовое регулирование обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, представляет собой многоуровневую систему правовых норм, основанную на конституционных принципах независимости судебной власти и беспристрастности правосудия. Центральное место в данной системе занимает глава 9 УПК РФ, которая детально регламентирует основания и порядок отводов различных участников процесса. Конституционные положения о монополии суда на осуществление правосудия, независимости судей и праве на судебную защиту формируют аксиологическую основу института отводов, определяя его целевую направленность на обеспечение объективности и справедливости правосудия. Дополнительные гарантии беспристрастности закрепляются в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодексе судейской этики, которые устанавливают этические стандарты поведения профессиональных участников процесса. Вместе с тем проведенный анализ свидетельствует о наличии отдельных пробелов и неопределенностей в законодательном регулировании, требующих устранения для повышения эффективности функционирования института отводов.

Научно-теоретические подходы к пониманию обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, характеризуются признанием данного института в качестве ключевой процессуальной гарантии беспристрастности правосудия. Исследователи выделяют три взаимосвязанные характеристики института отводов: беспристрастность, незаинтересованность и справедливость, подчеркивая, что первые две выступают необходимым основанием третьей. В науке сформировалось понимание отвода как двойственного правового явления, представляющего собой одновременно механизм отстранения заинтересованных лиц от ведения судебного производства и процессуальный институт, направленный на

обеспечение объективности как судебного разбирательства, так и предварительного расследования. Особое внимание ученые уделяют проблеме оценки родственных и иных межличностных отношений как основания для отвода, отмечая невозможность создания исчерпывающего перечня таких обстоятельств и необходимость сохранения определенной дискреции должностных лиц при их оценке. Теоретические исследования формируют концептуальную основу для понимания сущности института отводов и создают предпосылки для его дальнейшего совершенствования.

Система оснований, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, построена на принципе дифференциации в зависимости от правового статуса участников процесса и степени объективности соответствующих обстоятельств. Законодатель выделяет абсолютные основания, не требующие дополнительной оценки их влияния на беспристрастность (предыдущее участие в ином процессуальном качестве, родственные связи с участниками процесса), и относительные основания, предполагающие анализ конкретных обстоятельств дела (личная заинтересованность в исходе дела, близкие отношения с участниками). Специальные основания для отвода установлены в отношении судей (недопустимость повторного участия в рассмотрении одного дела на различных стадиях), экспертов и специалистов (служебная зависимость от сторон, некомпетентность), защитников и представителей (конфликт интересов при одновременном или последовательном представлении противоположных сторон). Судебная практика демонстрирует строгий подход к оценке оснований для отвода должностных лиц со стороны обвинения, требуя представления конкретных доказательств заинтересованности, и более гибкий подход при оценке оснований для самоотвода судей, признавая необходимость устранения даже потенциальных сомнений в беспристрастности.

Процессуальный порядок заявления, рассмотрения и разрешения вопросов об исключении участия в уголовном судопроизводстве

характеризуется детальной регламентацией, однако содержит существенные недостатки с точки зрения обеспечения объективности при разрешении отводов. Наиболее проблемным является механизм самостоятельного рассмотрения судьей вопроса о собственном отводе при единоличном рассмотрении дела, что создает очевидный конфликт интересов и превращает право на заявление отвода в формальную гарантию. Порядок рассмотрения отводов прокурора, следователя и дознавателя является более объективным, поскольку предполагает разрешение вопроса вышестоящим должностным лицом или судом, однако практика демонстрирует высокую требовательность к доказыванию оснований для отвода и склонность к отклонению отводов, основанных на косвенных признаках заинтересованности. Судебная практика подтверждает, что нарушение правил об отводах, особенно повторное участие судьи в рассмотрении одних и тех же фактических обстоятельств в различных делах, является безусловным основанием для отмены судебного решения независимо от правильности установления иных обстоятельств дела, что свидетельствует о фундаментальном значении принципа беспристрастности для легитимности правосудия.

Проведенный анализ выявил комплекс системных проблем правового регулирования и правоприменительной практики института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве. Ключевой проблемой является порядок самостоятельного разрешения судьей вопроса о собственном отводе, противоречащий принципу независимой проверки оснований для отстранения от участия в деле. Существенным пробелом законодательства выступает отсутствие запрета на участие в качестве защитника лиц, ранее занимавших должности руководителей следственных органов или прокуроров по делам, находившимся в их производстве, что создает неустранимое процессуальное неравенство сторон. Оценочный характер формулировки личной заинтересованности должностного лица и отсутствие законодательных критериев близких отношений между участниками процесса порождают неопределенность правоприменения и формирование противоречивой

судебной практики. Недостаточная регламентация правовых последствий нарушения правил об отводах на стадии предварительного расследования, отсутствие механизма временного отстранения должностного лица на период рассмотрения заявления об отводе и неэффективность процедуры выявления оснований для отвода на ранних стадиях процесса создают препятствия для обеспечения реальной беспристрастности уголовного судопроизводства.

Совершенствование правового регулирования и механизма реализации института обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, должно осуществляться по следующим направлениям. Необходимо изменить порядок рассмотрения отвода судье при единоличном рассмотрении дела, передав полномочия по разрешению данного вопроса вышестоящему суду или председателю суда, что исключит конфликт интересов и обеспечит объективность проверки оснований для отвода. Требуется устранить пробел путем установления запрета на участие в качестве защитника лиц, в течение трех лет до начала участия в деле занимавших должности руководителей следственных органов или прокуроров по делам, находившимся в их производстве. Важно конкретизировать понятие личной заинтересованности должностного лица путем законодательного закрепления примерного перечня обстоятельств, свидетельствующих о такой заинтересованности, и дополнить УПК РФ определением близкого лица. Необходимо усилить правовые последствия нарушения правил об отводах на стадии предварительного расследования, установив недопустимость доказательств, полученных заинтересованным следователем или дознавателем, ввести институт временного отстранения должностного лица на период рассмотрения заявления об отводе и создать механизм активного выявления оснований для отвода на ранних стадиях процесса. Реализация предложенных мер в сочетании с формированием единообразной судебной практики через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и усилением этических стандартов позволит обеспечить эффективное функционирование института отводов и повысить доверие к системе правосудия.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Айринг О.А., Дерищев Ю.В. Исторический анализ обстоятельств, исключающих участие судьи в уголовном процессе // Общество, государство, личность: механизмы инновационной деятельности молодежи в решении задач научно-технологического развития : Материалы XXIV Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. В 3-х частях, Казань, 26 апреля 2024 года. Казань : Университет управления «ТИСБИ» (Татарский институт содействия бизнесу), 2024. С. 50-57.

2. Апелляционное постановление № 10-5272/2025 10-55272/2025 от 10 марта 2025 г. по делу № 3/2-0030/2025. Московский городской суд (Город Москва) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lu5GkQqGnSdO/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

3. Апелляционное постановление № 22-654/2025 22К-654/2025 от 16 марта 2025 г. по делу № 3/12-2/2025. Иркутский областной суд (Иркутская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l1dXJpebdxdr/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

4. Апелляционное постановление № 22-881/2025 от 9 марта 2025 г. по делу № 1-92/2024. Волгоградский областной суд (Волгоградская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6RLk1Hr4FnQD/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

5. Апелляционное постановление № 22-956/2025 от 16 марта 2025 г. по делу № 1-290/2024. Волгоградский областной суд (Волгоградская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KhyрwPBpBwHN/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

6. Апелляционное постановление № 22К-0480/2025 22К-480/2025 от 19 марта 2025 г. по делу № 3/12-47/2024. Ивановский областной суд (Ивановская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HIWasVMPсобO/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

7. Барышников М.В., Рудакова Ю.В. Обстоятельства, исключающие участие прокурора в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2023. № 3. С. 197-200.

8. Батанов А.Н. К вопросу о возможности участия в уголовном деле адвоката, ранее занимавшего должность руководителя следственного органа // Евразийская адвокатура. 2019. №1 (38). С. 17-19.

9. Бикбаева Р.И. Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве участников, не обладающих властными полномочиями, а также порядок заявления и разрешения их отводов и самоотводов // ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ и практики : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2022 года. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 178-181.

10. Вдовенко А.Ю. Родство как обстоятельство, исключающее участие адвоката в уголовном судопроизводстве // Государственно-правовая система в условиях информационного общества : сборник статей Международной научно-практической конференции, Ижевск, 15 сентября 2019 года. Ижевск : Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2019. С. 9-12.

11. Дежнев А.С., Павлов А.В. Особенности оценки обстоятельств, исключающих участие представителей органов предварительного расследования и суда в производстве по уголовному делу // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 3(98). С. 367-371.

12. Ершова Д.Н. Обстоятельства, исключающие участие судьи в уголовном судопроизводстве как основание вынесения законного приговора // NovaUm.Ru. 2019. № 21. С. 85-87.

13. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения 25.03.2025 г.).

14. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения 25.03.2025 г.).

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 25.03.2025 г.).

16. Красильников А.В., Топчиев А.А. К вопросу о возможности отвода руководителя следственного органа // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Академия управления МВД России, 03 ноября 2023 года. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 224-228.

17. Крысина Н.Р. Полковникова М.А., Кондратьева К.В. Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника // Ученые записки кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Том Выпуск 8. Саранск : Типография «Рузаевский печатник», 2018. С. 43-48.

18. Куликов А.Ю. Некоторые вопросы правового регулирования и толкования обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве // Проблемы становления гражданского общества : Сборник статей IX Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 19 марта 2021 года. Том Часть III. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2021. С. 211-213.

19. Кулишова Д.В. Обстоятельства, ограничивающие надлежащее участие в уголовном судопроизводстве: понятие, виды, уголовно-процессуальное значение // Всероссийский форум молодых исследователей 2023 : Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 25 декабря 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 270-274.

20. Кухарьков Ю.В., Орехова Е.П. Процессуальные обстоятельства, исключающие возможность участия эксперта (отвод, самоотвод эксперта) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2(52). С. 109-115.

21. Марьина А.А. Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу: некоторые проблемы законодательного регулирования // Проблемы совершенствования российского законодательства: Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 12-13 апреля 2022 года. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2023. С. 199-202.

22. Механизм правового регулирования отвода судьи в уголовном судопроизводстве / А.А. Амтеев, С.С. Аштаева, К.С. Очир-Горяева [и др.] // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 338-340.

23. Мишина К.В., Журавлев В.О. Причины, исключающие возможность участия судьи, как обеспечение вынесения законного приговора // Сфера знаний в вопросах культуры, науки и образования : сборник научных трудов. Казань : ООО «СитИвент», 2018. С. 118-121.

24. Низамова А.А. Конфликт интересов как основание для отвода судьи в уголовном судопроизводстве // Первые шаги в науку третьего тысячелетия : Материалы XIX Всероссийской студенческой научно-практической

конференции, Нефтекамск, 18 апреля 2023 года. Уфа : Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 251-255.

25. Низамова А.А. Отвод судьи как гарантия обеспечения объективности и беспристрастности при риске возникновения конфликта интересов: дискуссионные вопросы // LI итоговая студенческая научная конференция Удмуртского государственного университета : Материалы всероссийской конференции, Ижевск, 17–18 апреля 2023 года. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2023. С. 189-195.

26. Петрова В.Ю., Квициния Д.А. К вопросу об обстоятельствах, исключающих участие в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 5-1. С. 452-459.

27. Постановление от 11 февраля 2025 г. по делу № 1-18/2025. Судебный участок № 3 Северодвинского судебного района Архангельской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/ukZhH5GeQ5ma/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

28. Постановление от 17 марта 2025 г. по делу № 1-7/2025. Судебный участок Полесского судебного района Калининградской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/JQcBfucBv9rX/> (дата обращения 25.05.2025 г.).

29. Рыбинская Е.Т. Обстоятельства, исключающие участие судьи в уголовном судопроизводстве, как основание вынесения законного приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2(16). С. 76-85.

30. Рыбинская Е.Т. Отвод судьи в уголовном судопроизводстве как основание независимого и беспристрастного правосудия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 190-200.

31. Таран А.С. Недоверие как основание отвода // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5(126). С. 139-147.

32. Таран А.С. Отвод как правовой институт // Вестник СамГУ. 2014. № 11-2 (122). С. 120-124.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 25.03.2025 г.).

34. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15542122/> (дата обращения 25.03.2025 г.).

35. Федорин В.Е. Обстоятельства, исключающие участие следователя в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. 2022. № 25. С. 162-167.